

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE  
*STUDIES AND TEXTS*

*volume 10*

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

СОЧИНЕНИЯ

NATURA NATURANS. NATURA NATURATA.

---

СОБРАНИЕ СТИХОВ.

---

ИЗ АЛЬМАНАХА «СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ»  
на 1901, 1902 и 1903 г.

Berkeley, 1981



MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE  
*STUDIES AND TEXTS*

*volume 10*

**edited by**

Lazar Fleishman *Jerusalem*  
Joan Delaney Grossman *Berkeley*  
Robert P. Hughes *Berkeley*  
Simon Karlinsky *Berkeley*  
John E. Malmstad *New York*  
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1981

**АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ**

**СОЧИНЕНИЯ**

**NATURA NATURANS. NATURA NATURATA.**

---

**СОБРАНИЕ СТИХОВ.**

---

**ИЗ АЛЬМАНАХА «СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ»  
на 1901, 1902 и 1903 г.**

**WITH AN INTRODUCTION BY**

**Joan Delaney Grossman**

**BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES**

**Berkeley, 1981**

**Introduction © 1981 by Joan Delaney Grossman**

**PRINTED IN U.S.A.**

**ISBN 0-933884-20-6**

ALEKSANDR DOBROLJUBOV: THE MAKING OF A DECADENT

Aleksandr Dobroljubov was arguably the most singular figure in the Russian *fin de siècle*. Born in 1876, he was three years younger than Brjusov and four years older than Blok and Belyj. He preceded and exceeded all of them in pursuit not only of a new path in poetry, but of ultimate freedom for the human spirit. The archetypal Decadent who became the leader of a sect called Dobroljubovians and disappeared into the depths of the *narod*, he exemplified for some the folly of his kind carried to its extreme conclusion. But for others, like Brjusov, he represented a nature capable of *podvig*, of living his convictions to the hilt. In a generation that cultivated maximalism, he was its living exemplar.

Yet Dobroljubov's interest for his generation did not stop there. It lay also in the contrast and the continuity between the man he had been and the one he became. This was what chiefly fascinated them. The first years after his departure, punctuated by occasional reappearances to "Brother Valerij" or "Sister Zinaida," turned him into a legend. Had he not gone away, he might have attracted no more attention than others who began writing poetry in that era. The fact that he did caused some to ponder on the connection between the two phases of his life. Later when Andrej Belyj was seeking in real life for Dostoevskij's heroes of religious experience — the Alešas, Zosimas, Myškins, Ivans — he noted his good fortune in meeting Dobroljubov. As Belyj well understood, this religious phase was seldom far from the "all is permitted" phase in Dostoevskij's characters. Such was the case with Dobroljubov.

The maximalism which later sent him into the sectarian communities beyond the Volga sent him in his earlier stage all the way in Decadence.

When Dobroljubov traveled to Moscow in June 1894 to meet the young publisher of *Russkie Simvolisty*, Valerij Brjusov, he was seventeen years old and enthusiastically Decadent. When he returned to Brjusov in July of 1898, he had, as it were, come out on the other side. Fresh then from months of wandering in the northern forests of Oloneck province where he had lived among peasants and learned incantations against bears, he seemed a completely new person, a man of penance, serenity, and silence. The four years between 1894 and 1898 might be called "the short mournful life of Aleksandr Dobroljubov, Decadent."

A month after his return to civilization in 1898, Dobroljubov left again for the Soloveckij Monastery, where he spent six months as a novice. A year and a half later he was living as a laborer in Orenburg province.<sup>1</sup> There he was arrested in July 1901 with two Cossacks whom he had persuaded to refuse military service. Sent back to Petersburg in February 1902, he was committed (not for the first time) to an insane asylum by his frantic mother to save him from a sentence in Siberia. He was soon released, and, after a brief resumption of his Petersburg life, left the life of the intelligentsia for good. Before long he was living in the Samara region and gathering followers for his own, original religious doctrine. Here he remained at least till 1914. The war and revolution changed his life, as those of most others. A wanderer by temperament, he sometime in the twenties took up the crafts of house-painting and stove-repair. By this time most of his generation had lost all track of and interest in him. Only a few knew of his late and futile efforts to return to literary life in Leningrad. He is thought to have died in 1944 somewhere near Baku.

Dobroljubov's published collections of poetry and prose amounted to only three. Two of them, *Natura naturans*. *Natura naturata* (1895) and *Sobranie stixov* (1900), belong to his early period and are reprinted together in this volume. The

third, *Iz knigi nevidímoj*, dates from the time after his withdrawal from Petersburg life and was published by Skorpion in 1905. (It is projected for publication in this series.) A collection of maxims from many sources was apparently distributed in Moscow in hectographed form in 1900 but was quickly forbidden by the censors.<sup>2</sup> Otherwise, his publication plans were aborted, sometimes in unusual fashion, as will be mentioned below.

*Natura naturans. Natura naturata* brought Dobroljubov, along with his close friend Vladimir Gippius, into "advanced" literary circles in Petersburg, though it did not bring him further publication. Yet while the pages of *Severnyj Vestnik* remained closed to him, the salons of its publisher and its contributors did not. His poems were considered insignificant and moreover incomprehensible, but as a personality he was "interesting." Vladimir Gippius remembered how they visited the "Sundays" of Volynskij and how they met all of the Petersburg Symbolists and Decadents, Minskij, the Merežkovskijs, the Vengerovs, brother and sister, and how they visited Sologub and others, reciting their poems and preaching their new-found doctrine.<sup>3</sup> Ljubov' Gurevič, the publisher of *Severnyj Vestnik*, recalled how Dobroljubov attended her evening gatherings during the winter of 1895-1896, always in black and with black leather gloves lined with fur, which he wore all evening.<sup>4</sup> Though he clearly enjoyed the effect created by his appearance and his obscure utterances, Gurevič also recalled with sympathy his occasional helplessness. Once when trying to articulate some thought which seemed indeed to weigh on him, he became thoroughly confused and burst out, "If only I could express myself with bottles instead of words!"<sup>5</sup> The stories of his black-hung room where black masses were celebrated were common currency, but Gurevič found something more than eccentricity in the handsome young man whose huge dark eyes reminded her of Vrubel's paintings. She saw also a deep seriousness about literature and a love and mature appreciation of the Russian classics with which few people credited him.

One of those who credited him with this and more was Brjusov. Brjusov's diary and the memoir written by Vladimir Gippius some twenty years after his first acquaintance with Dobroljubov together provide extraordinary insights into his character, career and impact on contemporaries. Gippius, looking back on the years of youth he shared with Dobroljubov, could describe and interpret his comrade's formation. Brjusov, who encountered Dobroljubov during his own formative years as a poet, could best testify to his importance as an influence.

In 1891, when Dobroljubov was fifteen, his family moved from Warsaw to St. Petersburg. His father, having retired after many years in the imperial civil service in Poland, died of a heart attack the following year. The senior Dobroljubov was a man of the sixties, more moderate than his namesake, and he treasured the ideals of Belinskij. His son adored him. Unlikely as this beginning seems for a Decadent, Dobroljubov was not alone in following this pattern. Nor was this a case of youthful rebellion against the "fathers." In Dobroljubov's case his course was rather linked in paradoxical fashion to filial devotion. In his adolescent struggle to cope with a stunning loss, young Dobroljubov instinctively sought a way to work out his father's ideals, insofar as he had grasped and internalized them, in the contemporary setting. At just this point he met Gippius, who offered him estheticism. Twenty years later Gippius pondered the question of what in estheticism could seduce this young man brought up on ideals of social emancipation. The answer, to his mind, lay in the idea of emancipation itself, but psychological emancipation, which meant freeing oneself from all bonds of idealism and morality, which the freedom-loving spirit perceived as imposed from without and therefore confining to the individual will. Remembering how for a time they together followed the same direction, Gippius wrote, "This 'all-permittedness' seemed to us genuine emancipation, in comparison with which the nihilism of the sixties was naïve, superficial, and limited." Dobroljubov, even more wholeheartedly than his friend, came to wor-

ship art as "the absolutely free manifestation of the unfettered, self-affirming personality, striving toward and beyond the bounds of the knowable, the given." [P. 275] When he encountered Decadence shortly after, possibly in the work of Huysmans, he understood it in this sense and became a true believer.

Dobroljubov's discovery of Decadence did not antedate Brjusov's by much, if at all. Certainly during 1893 and 1894 they were both reading everything they could lay hands on which emanated from the new French movement. But Dobroljubov did more. As Brjusov remembered it many years later, "He was then an extreme 'esthete' and very widely read in the 'new poetry' (French), of which I actually knew only fragments. Mallarmé, Rimbaud, Laforgue, Vielé-Griffin, not to speak of Verlaine and of the forerunners of the 'new art,' like Baudelaire, Théophile Gautier and other Parnassians, he knew from cover to cover. He was penetrated with the very *spirit* of Decadence and, so to speak, opened before me that world of ideas, tastes, and judgments which were portrayed by Huysmans in his *À rebours*."<sup>6</sup>

Nonetheless, Brjusov had already accomplished something: he had published the first of the three small volumes called *Russkie Simvolisty* early in 1894, and Dobroljubov and Gippius recognized in him an ally. The first issue of *Russkie Simvolisty* had only two contributors, Brjusov and his friend Lang. Brjusov hoped that its appearance would draw out other young poets heading in the same direction. This happened in a very small way. Dobroljubov and Gippius were among those who responded, but the proposed alliance did not work out quite according to the hopes of both sides. Dobroljubov visited Brjusov in all three times on this trip. Brjusov recorded in his diary that Dobroljubov dazzled him with his ideas about literature. He also unloaded a notebook of what Brjusov called "strange verses" of his own and some "splendid" ones of his comrade Gippius. Subsequently the two young Petersburg poets undertook to rewrite many of the poems which Brjusov had collected for the second issue. And over half of them

they discarded. The alliance fell apart, though Brjusov later acknowledged that Dobroljubov's criticism had been right. In Gippius's more mature opinion he and his friend had acted childishly. But there was also, as he said, the possibility that Brjusov regarded Dobroljubov's demands on poetry to be too great.

In his diary Brjusov headed the whole account "The Week of Symbolism." Overall, the visit made a profound impression on him, out of all proportion with its duration. He was struck not so much by Dobroljubov's Decadent behavior—he took opium and generally acted the role of what Brjusov called "arch-Symbolist"—as by his ideas about art. "He stunned me with his brilliant theory of literary schools, which overturns all views on the evolution of world literature." [P. 17] What this theory was neither Brjusov nor Dobroljubov ever set forth explicitly, and Brjusov may have exaggerated its scope and importance in the enthusiasm of the moment. However, the essay, brief but compact with ideas, which Brjusov offered as foreword to Dobroljubov's *Sobranie stixov* (reprinted in this volume) is clearly based on some of those ideas, developed in Brjusov's own thinking and poetic practice in the years following their first meeting. The emphasis on folk poetry, which was undoubtedly Dobroljubov's own, may seem to sit oddly on a Decadent so fervently styling himself on Huysmans's hero Des Esseintes, but the fact was that Dobroljubov even at that time knew and loved this branch of poetic art. (Gippius said that even then he knew Rybnikov's collection almost by heart.) In his own autobiography Brjusov recalled that Dobroljubov showed him "genuine love for the *word* as word, for the *poetic line* (*stix*) as such." [P. 112] The theory of rhythm which Brjusov set forth as Dobroljubov's was not far from both poets' perception of the practice of the French Symbolists. It is related to the experiments of these two with free verse in Russian, later developed by Xlebnikov and others.<sup>7</sup>

Owing to the quarrel none of Dobroljubov's or Gippius's poems appeared in either the second or the third issues of

*Russkie Simvolisty*, but Dobroljubov's notebook of "strange verses" was printed a few months later as *Natura naturans. Natura naturata, tetrad' no. 1*. It is a strange book indeed, and in many ways not at all what one might expect from a Decadent of any stamp. The book's basic theme is certainly death, but it is not treated in the expected Decadent manner. There is no necrophilia—indeed little eroticism and only of the vaguest kind. The poem "Lex mortis," with its epigraph from Hugo, might be considered more Baroque than Decadent, and the poems about his father's and grandmother's deaths are laments, pure and simple. However, in the deepest sense his treatment of death was Decadent. Like the Romantics before them, the Decadents fell in love with "easeful death." To be completely free meant also to be free from the constraints of living. As Ivan Konevskoj wrote in his foreword to Dobroljubov's second book, Dobroljubov rejected the limits which human nature put upon his personality. Death was the means to overstepping these bounds. The whole of *Natura naturans. Natura naturata* is penetrated with the sense of death, though not expressed as a Decadent might be expected to express it. Gippius recalled that at that time his literary favorites were Edgar Allan Poe and Maeterlinck's *La mort de Tintagiles*. The biographical source was of course the loss of his father, which threw his whole life into a new channel. At this time and later he was obsessed by death. Gippius called the decoration of Dobroljubov's room to resemble the interior of a tomb their shared joke. But no joke was his cult of death which led him to induce others (young girls, the rumor said) to suicide. "This was a sin, but not merely the sin of his youthful self-will—it was a sin flowing from his faith," said Gippius, his "esthetic atheism." [P. 284]

The formal devices of his book more than its content offended and baffled Dobroljubov's would-be allies. Some of his experiments were no doubt calculated to shock. Yet they may not have been sheer impudence. Whatever their esthetic worth, they seem to have had their rationale in his esthetic theory. Gippius told how he and Dobroljubov, believing that

art must not be limited to the knowable, strove to express the inexpressible, coming to what Gippius called the “Decadent esthetic: to speak of the *incomprehensible incomprehensibly*.” [P. 176] Thus, as Gippius observed, without ever knowing more than the name of Nietzsche, they concluded that music is the ideal of all art. Dobroljubov’s attempts to apply this in his poetry were doubtless naïve and clumsy. However, when a line of dots appears as a poem without words marked “Allegro con moto” [P. 68], one may assume that Verlaine was being taken literally and that words had dissolved into music. Incidentally, the reader is struck by the way music and other arts jostle each other at the head of various poems. Gippius reported that Dobroljubov was extremely attracted to painting, while having no appreciation of music at all. Much more substantial, though no more acceptable to some readers, were Dobroljubov’s experiments with folk themes, folk rhythms and diction. In this he was perhaps a few years ahead of most of his fellow Symbolists, but some recognized the value of his attempts.

There was also the very private character of his verse. The grandiose dedication of the book to “Hugo, Richard Wagner, Rossetti, Nikonov [?]” is followed by dedications to members of his family, to Mikešin, who provided the book’s cover drawing, and to a number of less identifiable persons. (However, the dedication to “Fedor Kuzmič, great servant of God” was meant for Sologub, with whom he was in close contact.)

Finally there was the name of the book. It was not an era for modesty in titles—Brjusov was about to publish *Chefs d’oeuvre*—and the seeming unrelatedness of title to content was passed off as part of the author’s eccentricity. Commentators usually note that the title was borrowed from Spinoza. Indeed it likely was. However, Dobroljubov’s subsequent concern with the philosophy of nature, in which he may have been encouraged by Ivan Konevskoj, is worth noting. The terms *natura naturans* and *natura naturata* were commonly used in the literature of natural philosophy from Averroës on, and notably in the work of Giordano Bruno and Nicholas of

Cusa. The ongoing discussion centered on the relation of God to the world, to nature. For Spinoza God is the world-essence, the *natura naturans*. But existing in individual things God is also the *natura naturata*. Dobroljubov divided his books into two unequal parts, with the religious note prominent in "Natura naturans." The poem "Bog Otec" invokes the vision of Ezekiel and shows God intimately involved with nature. But the second part, "Natura naturata," turns with unexpected concreteness to images of Petersburg streets, eminently created things. This is not to suggest that a coherent philosophical notion of this type runs through the book, but only that for Dobroljubov the title had some meaning beyond, as was often said, pretension.

As a first attempt in a new vein, Dobroljubov's book met with no more abuse than the first attempts of Brjusov or Sologub. And those who, like Brjusov, were watching for every sign that new winds were beginning to blow in Russian poetry, regarded it as one of the events of the year 1895. Its failure to attract favorable attention was perhaps a greater blow to Dobroljubov than he admitted. At least, when Brjusov saw him in Petersburg in the spring of 1896 he was greatly disappointed: "a meek, fawning youth," he recorded. "Life has trampled him, and I love him... But...he'll have no readers!" [P. 24] That year, nonetheless, he made other literary starts, which, for one reason or another, came to nothing. He laid plans for a journal, to be called *Gornye Veršiny*, which did not materialize. In the summer of 1896 he wrote to ask Brjusov for fifty rubles to finance the publication of *Vse odni zamečanija*. Brjusov sent the money, but no book appeared. Later he learned from Dobroljubov that the book was already set in type when he decided against publishing it. Meanwhile, the manuscript was lost in the printing shop and could not be found. In angry frustration, he burned the fragments which he had. Later he tried to reconstruct them but was unable to. Instead, he set to work with redoubled energy and wrote many new things, probably including the poems which appeared in 1900 as *Sobranie stixov*. A parallel loss seems to have occurred

somewhat later. Gippius regarded it as symbolic of the coming rupture in his life. As Dobroljubov told it to him, a notebook containing the entire sequel to *Natura naturans*. *Natura naturata* fell unnoticed to the pavement as he was getting into a sleigh, perhaps in a drugged state. It was of course never retrieved.

Meanwhile, Gippius wrote, a change was coming over Dobroljubov. They saw little of each other now. In his last year in Petersburg, still studying at the university, Dobroljubov lived away from his family and reportedly wore penitential chains beneath his clothes. The book's final poem alludes to these chains. Saying farewell to this penance, which had served a brief but useful spiritual purpose, he turns to the new life he is contemplating. The poems in the last third of *Sobranie stixov* show increasingly his disaffection from the life he was leading. Spiritual restlessness, isolation, and finally renunciation of family ties and farewell fill these poems. They conclude with joyful anticipation of a more significant life, for heaven now gives him "the heart of a prophet." [xxxI] The arrangement of poems in the collection was of course the work of the editors, most probably of Brjusov. They were drawn from various papers which Dobroljubov had left with Brjusov and others. (See editor's notes at the end of *Sobranie stixov*.) Presumably the logic of the arrangement was dictated by what was known of his crisis, for these are extremely personal poems. And by 1900 a good deal was known, since on his return visits Dobroljubov talked freely with Brjusov and surely others. His friends no doubt interpreted his experiences in various ways. Despite the exuberant tone of poem xxxI, Vladimir Gippius was certain, later on, at least, that by changing his life Dobroljubov did not free himself from struggle with the "law of death," which had earlier so preoccupied him. Gippius pointed especially to the line "I smert'ju naveki predutrennij vzor op'janen" as evidence, which he said was supported by some of the unpublished poems. The impression of emergence into life and daylight notwithstanding, the intoxication with death would remain. And Gippius, at the end of the memoir,

asked himself whether Dobroljubov had ever freed himself from his fear of death and found true freedom of spirit.

One of the chief differences between the old Dobroljubov and the new one seemed to lie in the transformation of sadness into joy. If he was ever a Christian, he was a very idiosyncratic one. His teaching was a peculiar amalgam of many sources, and there were times when he claimed to be the Antichrist. Yet one of the elements of the Christian view which may have drawn him was the ideally joyful Christian attitude toward death. To such an attitude he might have been able to attach his deepest feelings in this matter which for the last several years had dominated his life.

In any event, the Dobroljubov who appeared in July 1898 at Brjusov's summer lodgings in the country outside Moscow was completely transformed. He was wearing peasant dress and carried a knapsack and a staff. His face had changed and become coarsened, though his eyes remained pensive. The greatest change was in his behavior. "Now he has become simple, he can talk with anyone. He was able to say something to my little brother and my sisters and even to Mama. And everyone involuntarily smiled happily at his words. Even the animals went to him trustfully, to be petted." [Pp. 41-42] Brjusov thus reported his initial impressions. He listened avidly to Dobroljubov's stories about his past and present life. He was fascinated by the change but also by the account of how Dobroljubov gathered folktales, charms and laments from peasants in the north, and by his recitation of folk songs. They talked about poetry as well as about Dobroljubov's "new truth." Brjusov's reaction to the new Dobroljubov was mixed, in fact. Before his visit, which had been preceded by a letter, Dobroljubov seemed to Brjusov an ideal whom he feared to have betrayed. But now in some ways he was disappointed. For Brjusov, Dobroljubov the seeker for freedom and the source of new ideas and poetic inspiration was not on the same plane with Dobroljubov in the flesh. And this new Dobroljubov was sometimes a trial and a vexation, particularly when he chose to preach, as on recurring visits he was more and

more given to doing.

Others were later attracted by Dobroljubov the holy man, whom Merežkovskij saw fit to compare to Francis of Assisi.<sup>8</sup> However, the discussion of that figure belongs more fittingly with his third printed book, *Iz knigi nevidimoj*. What seems valuable and significant in the early part of Dobroljubov's career as Petersburg Decadent poet is the opportunity to view closely a figure who represents in perhaps its most concentrated form a phenomenon which had a good deal to do with the shaping of Russian poets in the first part of this century. Decadence was rather more than its morbid trappings and opium fumes suggested. For those who took it seriously it was another attempt to find true freedom for the human spirit. As such it falls in with a long tradition in Western and Russian art and is a not insignificant link.

#### NOTES

1. The fullest account of Dobroljubov's career, particularly after 1898, is K.M. Azadovskij, "Put' Aleksandra Dobroljubova," *Tvorčestvo A.A. Bloka i russkaja kul'tura XX veka. Blokovskij sbornik III* (Tartu, 1979), pp. 121-146. Azadovskij has also prepared new material for publication in a future volume of *Literaturnoe nasledstvo*. A vivid account of Dobroljubov's earlier career is given in Valerij Brjusov, *Dnevnik 1891-1910* (Moscow, 1927), pp. 41-46, 48. The English text may be found in *The Diary of Valery Bryusov (1893-1905)*, edited, translated and with an introduction by Joan Delaney Grossman (Berkeley-Los Angeles, 1980). The only study so far known in English is Franklin D. Reeve, "Dobroljubov and Brjusov: Symbolist Extremists," *Slavic and East European Journal*, VIII, 3 (Fall), 1964, pp. 292-301. Additional material has appeared in two articles by E.V. Ivanova: "Valerij Brjusov i Aleksandr Dobroljubov," *Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka*, Vol. 40, No. 3, 1981, and "Odin iz 'temnyx' viziterov," *Prometej*, No. 12, Moscow, 1980. Page references for direct quotations will appear in the text.
2. *Moi večnye sputniki*. See Azadovskij, p. 133, n. 40.
3. The only available source on Dobroljubov's youth is the memoir of his close boyhood friend Vladimir Gippius: "Aleksandr Dobroljubov," *Russkaja literatura XX veka*, ed. S.A. Vengerov, Vol. I (Moscow, 1914), pp. 272-287.
4. Ljubov Gurevič, "Istorija 'Severnogo Vestnika,'" *Russkaja literatura XX veka*, Vol. I, pp. 254-255, contains brief firsthand reminiscences of Dobroljubov.
5. Gurevič, p. 254.
6. Valerij Brjusov, "Avtobiografija," *Russkaja literatura XX veka*, Vol. I, pp. 111-112.
7. M.L. Gasparov, *Sovremennyj russkij stix* (Moscow, 1974), p. 72.
8. D.S. Merežkovskij, "Revoljucija i religija," *Russkaja Mysl'*, 1907, No. 3, part II, p. 28.



Обложка работы М.О. Микешина.



**А.М. Добролюбов**

Александръ Добролюбовъ.

---

NATURA NATURANS.

NATURA NATURATA.

*Тетрадь № 1.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, № 18.

1895.





NATURA NATURANS.

NATURA NATURATA.

*Посвящается моимъ великимъ  
учителямъ:*

*Гюго,*

*Рихарду Вагнеру.*

*Росетти,*

*Никонову.*

## ПОСВЯЩЕНІЕ.

Александрѣ Добролюбову.

Бѣлое утро ползеть, пробираясь надъ вялой столицей.  
Камни и люди овѣяны сизыми влаги волнами,—  
День трудовой поднимается сонною птицей,  
    Не движеть нѣмыми крылами.

Хриплое слышишь дыханье склонившей тѣни недуга,  
Звукъ напрягается, гаснетъ въ предверьи сѣдого вер-  
тепа,

Скудное сердце почуяло темнаго друга  
    Томительно, сумрачно-слѣпо.

Дрогни! Уйди своимъ помысломъ въ тусклое вѣянье  
    муки!

Пусть они гасятъ свой духъ во служенье нужды и печали,  
Ты не гаси свои блѣдныя, дѣтскіе звуки  
    — Мерцанье серебряной дали.

*Владиміръ Гиппіусъ.*



Comprendre est au delà d'aimer;  
Aimer, comprendre c'est le faite.

*V. Hugo.*



**NATURA NATURANS.**



О Т Ц У.



Царь! просвѣтленный я снова склоняюсь предъ гробомъ;

Свѣчи зажгите! священныя пѣсни начните!

Плачьте! пусть падаютъ слезы на шелкъ и на ткани!

Вижу—въ могилу провидяшій взоръ проникаетъ—

Вижу—таинственно грезятъ подземные корни,

Черви впиваются въ мертвое, жесткое тѣло;

Духъ у предверья склонился исполненный скорби;

Гаснутъ свѣтильники... Тихому Свѣту молитва

Въ сумракѣ скудномъ растетъ безнадежно и тускло;

Царь! просвѣтленный я снова склоняюсь предъ гробомъ;

Меркнетъ тоска, созерцанью любви уступая.

Свѣчи зажгите! священныя пѣсни начните!

Звуки вечерніе,  
Трепетно-тусклые,  
Сказка померкшая,  
Слезы священные.

Звуки вечерніе...

Гаснетъ лампада. Все дышетъ легко и счастливо.  
Вспыхнуло что-то. Повѣяло грустью пугливо.  
Пѣсни о скорби дрожатъ, разростаясь красиво.

Трепетно тусклые

Звуки вечерніе...

Слышится прошлое. Бабочка вдругъ встрепенулась.  
Ярко блеснули прозрачныя крылья... проснулось  
Свѣтлое, нѣжный ребенокъ угасшій... проснулось.

Сказка померкшая,  
Трепетно-тусклые  
Звуки вечерніе...  
Пламя погасло. Ты свѣтишь сквозь сумракъ священный!  
Старческій голосъ твой слышу. Привѣтъ, неизмѣнный.  
Снова молитвы мерцають. Привѣтъ, неизмѣнный!

Слезы священные,  
Сказка померкшая,  
Трепетно-тусклые  
Звуки вечерніе.



(ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Оедору Кузмигу,*

великому служителю Бога).



Видѣніе Іезекіілл.

*Рафаэль.*

*Adagio maestoso.*

### Богъ Отець.

Подо Мною орлы, орлы говорящіе.  
Подо Мною раменья, прогалины, засѣвки...  
Разбѣгаются звѣри рыкучіе, рысчучіе,  
Разбѣгаются въ норы темныя, подземельныя.  
Подо Мною орлы, орлы говорящіе.  
Гой, лембои лѣсныя, полночныя!  
Выходите предъ лицо Великаго Господа,  
Выходите, поклонитесь Царю Вашему Богу!  
Подо Мною орлы, орлы говорящіе.



„A . . . M . . . D . . .“



*Presto.*

О чемъ молишь, Свѣтлый? Не очей ли ты жаждешь неразгаданныхъ, не сдержаннаго ли дыханія страсти? Не улыбки ли, одѣтой слезами, не росистой ли души молодости?

Я дамъ тебѣ тѣло дѣвственное, безстыдныя, смѣлыя ноги, уста опьяняющія... Къ ложу утреннему ты приблизишься—Суровый.

Я ли не молода? Сплетутся руки змѣистыя. Блѣдная бѣлая ночь поблѣднѣетъ отъ Моихъ объятій и уйдетъ изъ покоя—за окна—на волю.

Свѣтлый! Мнѣ уютно... Мнѣ больно, Свѣтлый! Бѣлая ночь глядитъ на тебя бездонными глазами. Она не уходитъ. Словно вдова, груститъ ночь... Словно вопленица, плачетъ она. Плачетъ она о кладбищенскомъ утрѣ. Мнѣ страшно... Свѣтлый!



Н И Щ И М Ъ.



Городъ и каменья;  
Нищяя братія,  
Плачьте, нищяя братія!  
Стѣны въ туманахъ;  
Молитесь боярамъ великимъ,  
Знаменья творите.

Око мое непорочно;  
Богу одному поклоняюсь,  
Тихій цвѣтъ заряницѣ;  
Нози мои бѣлы,  
Ходятъ по бѣлымъ дорогамъ.

Нози мои бѣлы,  
Богу одному поклоняюсь;  
Молитесь, нищяя братія,  
Молитесь боярамъ великимъ,  
Плачьте предо мною,  
Плачьте и молитесь.



Πρ . . . . . τ.

Et je hais toujours la femme jolie,  
La rime assonante et l'ami prudent.

*Verlaine.*

Будь ревнивъ, суровъ, свободы врагъ угрюмый!  
Угаси порывы, чувство: пусть молчатъ!  
Пусть шипятъ на нихъ всезлобно змѣи-думы!  
Пусть царитъ безумство, гордость и развратъ!

Отними, дитя, трепещущія руки!  
Ночь была безумна. Слышишь? вотъ разсвѣтъ!  
Утромъ все блѣднѣетъ: меркнетъ грезы цвѣтъ.  
Пусто и свѣтло—ни радости, ни муки.

Чу! въ твое окно ворвался лучъ стыдливый...  
Вотъ, взгляни! по крышамъ, окнамъ и въ цвѣтахъ  
Бродитъ мутно влага... И въ дневныхъ лучахъ  
Кто-то гаснетъ... день ползетъ, ползетъ лѣниво...



**(ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Маріи Эдвардовнѣ*

**АНГЕЛЬ).**

Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ.

*Фетъ.*

Шепчутся травы подъ грёзы мои,  
Чую въ мгновеньяхъ моихъ опьяненье —  
Всѣ благовонья, всѣ жизни стремленья  
— Запахъ росы и лѣсные ручьи.

Слышишь? растутъ, распустились цвѣты.  
Очи закрой! не гляди на могилы.  
Травы колеблются мягко, уныло.  
Утренней влагой омыты листы.

Шепчутся травы подъ грёзы мои.  
Чую въ мгновеньяхъ моихъ опьяненье—  
Всѣ благовонья, всѣ жизни стремленья  
— Запахъ росы и лѣсные ручьи.

### Свѣтлая.

Горе! цвѣты распустились... пьянѣю.  
Бродягъ, растутъ благовонья безшумно.  
Что-то проснулось опять неразумно,  
Кто-то болѣзненно шепчетъ: «жалѣю».

Ты ли опять возвратилась и плачешь?  
Свѣглыя руки дрожать непонятно...  
Косы твои разбѣжались... невнятно  
Шепчуть уста... возвратилась и плачешь.

Звѣздное небо, цвѣты распустились...  
Медленно падаютъ тусклыя слезы.  
Слышны укоры, проснулись угрозы...  
Горе! цвѣты распустились!

M E D I T A T I O N S .

(ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Михаилу Осиповичу*

М и к ъ ш и н у).

Вечеромъ тѣни, предвѣстники ночи, угрюмы  
На земь выходятъ пугливо—неслышно. Найдешь  
Тѣни и въ сердцѣ—безграстныя, горькія думы;  
Мракъ предвѣщаетъ ихъ гордая ложь.

*Александръ Добролюбовъ*

Все умерло.  
Картина *Фридерика*.

Все окоченѣло. Синее, глубокое небо. Догорающій костеръ. Мертвые люди. Однѣ ихъ тѣни, неровно колеблясь, лежатъ въ поблѣднѣвшей равнинѣ.

Руки холодѣютъ. Трудно дышать. Чудится, не бьется дремотное, хилое сердце.

— Не лги!

Впередъ! Богатыри, на встрѣчу солнечнымъ лучамъ!  
Разите ихъ своими широкими желѣзными лучами!

— Не лги!

Ты улыбнулась... Не лги! Я такъ долго, долго искалъ тебя. Какъ поникли твои ласковыя очи?

Окна холодѣютъ. Неровныя ночныя стѣны. Не бьется дремотное сердце.

Удары... гулкiе удары... мѣрно, мѣрно разрастаются во мракѣ. Чудится, сердце забилося. — Нѣтъ! не сердце...

За печкой стучитъ сверчокъ. Неровныя ночныя стѣны. Окна холодѣютъ.

## Lex mortis.

Tous les êtres rentrent les uns dans les autres.  
Pourriture c'est nourriture. L'homme, carnassier, est  
lui aussi, un enterreur. Notre vie est faite de mort.  
Nous sommes sepulcres.

*V. Hugo.*

Меркните вы, впечатлѣнья веселья и скорба!  
Чутко внимай! въ глубинѣ вырастаетъ, какъ дрема,  
Шепоть ночной... и плыветъ...

Ты забылся: ты дома...  
Шепоть ростетъ и ростетъ.

Нѣтъ! уходи, молодая!.. улыбка, погасни!  
Кто-то лукаво подкрался, нагнулся надъ нами...  
Слышишь? онъ здѣсь... онъ стоитъ...

Словно кто-то руками  
Обнялъ тебя и молчить.

Молоды, Смерть, Твои дерзкія женскія руки.  
Ближе къ безумцу! пусть холодень гробъ и священень!  
Призракъ пройдетъ предъ Тобой

— молчаливъ, неизмѣненъ —

Медленно—гордой стопой.

Вакханка на пантерѣ.

*Античная статуя.*

Священна и властна—царица разврата.  
Привычны ей стали безсонныя ночи.  
Устало снисходить она къ поцѣлюямъ.  
Ея холодящія руки безстыдны.

И слухъ обезсилѣлъ отъ звуковъ весеннихъ.  
Безшумно, несмѣло бѣгутъ сновидѣнья.  
Душа ихъ полета ночного не слышитъ.  
И въ дикомъ безумьи забылась—заснула.

Лишь изрѣдка грустное, горькое слово  
Раздастся, кого-то карая лѣниво.  
Но кто-то въ отвѣтъ безпощадно смѣется,  
И снова смежаются тусклыя очи.

..Но духъ твой бодрствовалъ. Тѣло спало. Духъ всталъ. Онъ отряхнулъ прахъ земли. Ты почувствовала, что тебя разрываютъ на части. Затѣмъ что-то упало, болѣзненно отдѣлившись отъ тебя, какъ ребенокъ отъ матери. Предъ тобою лежала земная твоя оболочка. Духъ твой былъ далеко.

Роскошными ступенями подымалась въ пространство лѣстница. Яркій свѣтъ лежалъ на украшающихъ ее розахъ. Плющъ почернѣлъ и спускался змѣистыми жилками.

На одномъ концѣ лѣстницы стояла Она. На другомъ Онъ.

Между Ними былъ море цвѣта. Но Онъ чувствовалъ, какъ трепетно сжималась Ея молодая грудь.

Ей было душно.

Все смѣялось—весенніе голоса, травы и краски. Я была тогда еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой.

«Бѣжимъ, сестрица.» Но сестрица опустила усталое на мураву.

«Бѣжимъ, Варя!» — и я побѣжала одна, оглядываясь съ улыбкой назадъ. Холмикъ былъ крутой.

Вдругъ я остановилась: мнѣ стало душно.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ КАРТИНЫ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Жану Заи*).



## Замирающіе.

1.

*Одиноко мнѣ. Гой ты, заморянинъ! Слышишь? стучатъ... Я старъ... я изнемогъ.*

*Ты ли это, Молодая?*

*Гдѣ ты, Кира?—Это ты!*

*Войди-же, Ирочки!*

*Не грусти...*

## (И. Слѣпушкину).

Одиноко мнѣ. Вѣтеръ свиститъ за окномъ. Какъ глухо, какъ упорно онъ воетъ! Нѣтъ, онъ не воетъ, онъ рыщетъ, онъ ломитъ. Не лѣсовикъ ли притулился въ кустахъ вечернихъ? Въ сумракѣ растутъ шумъ, уканье, гиканье, свистъ, плесканье руками. Одиноко мнѣ.

Гой ты, заморянинъ! Не уйти тебѣ отъ вьюги безумной. Степь широка, и далеко нѣтъ въ ней жилья человѣческаго. Всѣ звѣри въ норы позапрыгались, всѣ къ сырой землѣ прислонились. Гой ты, заморянинъ!

Одиноко мнѣ. Гой ты, заморянинъ!

Слышишь? стучать... Кто-то постучался. Въ окно кто-то постучался. Не прозрачный ли водяникъ пугаетъ тебя крикомъ? Не мутный ли снѣгъ одѣлъ волокнистыми хлопьями задрожавшія стекла? Слышишь? стучать...

Я старь... я изнемогъ. Съ разсвѣтомъ вышелъ я въ далекій путь. Мнѣ жутко, мнѣ страшно въ широкой равнинѣ. Люди! откройте мнѣ ваши непривѣтныя черныя двери. Мои серебристые волосы серебрятся снѣгомъ, въ очахъ моихъ мутно, мнѣ холодно. Люди! откройте, откройте мнѣ ваши непривѣтныя черныя двери и пустите меня обогрѣться. Я старь... я изнемогъ.

Слышишь? стучать. Я старь... я изнемогъ.

3.

(Кирѣ Б . . ой).

Zünde mir Licht an, Knabe.  
*Goethe.*

Ты ли это, Молодая?

Сѣрмя былинки свернули листочки. Въ воздухѣ застыла пыль.—Ты ли это, Молодая?—Я знаю, красивы твои зеленые глаза, заразителенъ шумъ утреннихъ деревьевъ, мои думы алѣютъ. Но я озаренъ твоей печалью и помню. Да, я помню и иду. Что мнѣ это знойное іюльское солнце? Что мнѣ эта мелкая природная пыль? Вдали расцвѣтаетъ причудливый городъ.

Гдѣ ты, Кира?

Мальчикъ! вдали разцвѣтаетъ причудливый городъ. Дѣвственно-величаво стоятъ гордыя башни.—Гдѣ ты, Кира?—Мальчикъ! зажги свой дымный вечерній факель... Слышишь? запахъ сребрящихся пепурга'овъ. Отчего лучи такъ суровы, отчего зной такъ беспощаденъ, отчего вездѣ ставни? Какія глухія, глухія улицы. Вдали блеснуло раскрытое окно.

Это ты!

Мальчикъ! вдали блеснуло раскрытое окно. Молодыя уста окрылились улыбкой.—Это ты!—Мальчикъ! мы обѣжимъ всѣ дома, мы взойдемъ на всѣ террасы, мы заглянемъ во всѣ окна... Гдѣ она? гдѣ она? Не смѣйтесь, не смѣйтесь, злыя стѣны! Я старъ, я изнемогъ. Но ты не бойся, подойди ближе, взгляни, взгляни...

Ты ли это, Молодая? Гдѣ ты, Кира?—Это ты!

(Ирочкѣ Добролюбовой).

Войди-же, Ирочка!

Войди! садись сюда, поближе—къ окну, ко мнѣ на колѣни. Какое тихое, свѣтлое утро! Не первое утро проводимъ мы съ тобою такъ печально. Да, умерли голубыя зори, когда надъ нами возвышались кущи то-полей, выше небо, въ небѣ, какъ мечты, звѣзды. Твои дѣтскія очи смѣялись. Какъ цѣловалъ ихъ отецъ!

Не грусти!

Не грусти... Посмотри! Небо выше, стройнѣе, синѣе. Словно заливъ, раскинулся просторъ. Вдали бѣлѣютъ

паруса убѣгающихъ тучекъ. Завтра расцвѣтетъ и черемуха. Съ юга воротятся птицы, и зачаруютъ тебя ихъ вешнія пѣсни. Ты будешь снова бѣгать по полямъ и внимательно слѣдить за полетомъ мохнатыхъ шмелей. О чемъ же ты плачешь? (Не смѣйтесь, не смѣйтесь, злыя стѣны!)

Войди-же, Ирочка! Не грусти...

## Похоронный маршъ

(на смерть рабы Божіей Елизаветы).

I.

Dritter Teil (*Im Walde*).  
*Raff.*

*Adagio maestoso.*

Просыпайтесь, просыпайтесь безумные!  
Выходите на стогны вечернія,  
Застойтесь на княженецкой площади;  
Приглядитесь къ вечернему небу  
—Зеленѣется ли зорька утренняя?  
Улыбнулось ли солнце восточное?

Надѣвайте свои доломаны,  
Накрутите на плечи оксамиты,  
Поспѣшайте, поспѣшайте, безумные,  
Поспѣшайте глухою тропинкою,  
Черезъ пещеры, черезъ горы толкучія,  
Черезъ лѣса и двигучіе камни!

Ой зачните пѣсни великія,  
Великія пѣсни о Сѣверѣ!  
Пойте! славьте Ночную Охоту,  
Славьте звѣзды и сосны таинственныя  
И спѣшите, спѣшите, безумные,  
Черезъ пещеры и горы толкучія!

Нѣтъ! я знаю дорогу пустынную,  
Самъ найду мой цвѣтокъ--нѣжный, утренній...  
Обоими ты меня, Новоладожанка!  
Твои руки, словно травы, свиваются;  
Поцѣлуй твои, Новоладожанка,  
Дышутъ влагою серебрянкою.

2.

Хоръ.

*La mort.*  
*Gustave Doré.*

*Andante quasi adagio.*

Что падары ночныя?  
Что морозы нѣмые?

Въ небѣ шелестъ лучей  
Гой! летите скорѣй!

Мы добычу нагонимъ,  
Заклюемъ, заполонимъ.

Ели въ утреннемъ инеѣ,  
Поле—спящее, синее.

Пусть желтѣютъ откосы!  
Пусть алѣются росы!

Ты мерцаешь въ тѣни,  
Словно вешнія дни.

## S o l o.

*Andante con moto.*

Она угасла, потому что настала зима. Она угасла, потому что устали крылья.

Горькое, непонятное заблужденіе! Смѣшное недоумѣніе ребенка!

Они думаютъ, что она вѣчна. Они вѣрятъ въ ея безсмертіе.

Горькое, непонятное заблужденіе! Смѣшное недоумѣніе ребенка!

Я не пришел будить тебя. Я не пришел звать тебя.

Тяжела могильная плита. Еще тяжелѣе вѣки умершаго.

Ты знаешь, что вянуть молодыя березы. Ты знаешь, что листья засохшія шепчутся съ вѣтромъ.

Тяжела могильная плита. Еще тяжелѣе вѣки умершаго.

4.

Adagio lamentoso (symh. VI  
pathétique).  
*Чайковскій.*

*Adagio lamentoso.*

Не спѣшите, не спѣшите! Выступайте ровною,  
ровною стопою!

Купа плакучихъ ивъ слѣдуетъ за гробомъ. Неза-  
будки торопливо бѣгутъ около коней. Гордый клень  
наклонилъ голову. Звѣзды плачутъ, и рвутся къ ней  
ихъ золотыя рученки.

Плюшевая ткань опустила печально свой длинный  
шлейфъ.

Господи! Она умерла. Она пришла. Она устала.

Господи! Ея внутреннія очи дрожатъ. Ея внутренній разумъ помутился. Ея внутренній духъ скорбитъ.

Господи! Озари ея душу тихимъ свѣтомъ! Овѣи ея сердце райскою зарею! Засеребри на вечернемъ небѣ утреннее солнце!

Не спѣшите, не спѣшите! Выступайте ровной, ровною стопою.



ИЗЪ КОНЦЕРТА

„DIVUS et MISERRIMUS“.

They have taken my Lord away, J cannot find him,  
O Sir, y thou have borne him hence, J pray thee,  
Tell me where thou hast laid him,

*Longfellow.*

## ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

### Стихъ о Мадоннѣ.

1.

Madonna del cardelline,  
*Raphaello Santi.*

*Allegro.*

Облелѣяли воды весеннія,  
Словно дымкою, землю нѣмую.  
Кто-то шепчетъ стыдливо: «цѣлюю».  
— Мгновенья мгновеннѣе.

Чуткій Свѣтышко, Зорька Росистая,  
Ты причастень земному веселью.  
Грезить мать надъ Твоей колыбелью  
— Задумалась Чистая.

Ей цвѣты благовонья навѣяли,  
Тростники нашептали Ей грезы  
И провидитъ Она Твои слезы.  
— Чу! чайки зарѣяли!

Разбѣгаются мягкіе волосы...  
Много дышетъ листовъ освѣженныхъ.  
На пригоркахъ былинокъ зеленыхъ  
— Синѣются полосы.

Эрмитажъ № 796 (кар-  
тинная галлерей).  
*Рембрандтъ.*

*Allegro con fuoco*

Я ли Его не оплакала? Я ли Его не обвѣяла? Отъ  
Моей груди всосаль Онъ жизнь. Отъ Моей груди всо-  
саль Онъ скуду.

Юношѣ! не бойся. Не забывай Золотистое! Гос-  
подь внимлетъ гласу моленія Твоего. Господь Твой—  
вертоградъ благоухающій.

Вечерѣютъ синія, синія горы. Склоняются осеннія  
вѣтви... Я ли Его не обвѣяла? Я ли Его не оплакала?

3.

*Allegro con moto.*

.....

## ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

### Печаль.

1.

*Presto.*

Мы единственные,  
Невоинственные,  
Всѣ таинственные,  
Какъ печаль:

Мы серебристые,  
Золотистые,  
Чуть росистые,  
Какъ печаль;

За Тобою  
Молодою  
И святою,  
Какъ печаль;

2.

*Moderato.*

.....

Virginibus puerisque canto.  
*Horatius.*

*Andante.*

Роса освѣжила листву.  
 О — —! исчезнемъ въ тѣни!  
 Пусть теплятся въ мракѣ огни!  
 Я Лады стыдливой къ огнямъ не зову.

Нѣтъ! словно смущенный женихъ  
 Я очи прикрою едва.  
 Сквозь ткани рѣсницъ золотыхъ  
 Таинственнѣй свѣчи, безстыднѣй слова.

Ты, — — , склонись надо мной!  
 Сквозь ткани рѣсницъ ты нѣжнѣй  
 И дышешь вечерней весной.  
 Въ глазахъ твоихъ лепеть и шелестъ тѣней.

Я.



## Молебное.

*Andante con fuoco.*

Въ одинокой горницѣ  
Я склоняюсь въ моленіи  
Предъ Великимъ Господомъ;  
Поклоняюсь сладостный,  
Словно цвѣтъ предугренній.

Словно цвѣтъ предугренній,  
Мое сердце дрогнуло;  
И зачѣмъ такъ боязно?  
И зачѣмъ Ты встревоженный?  
Не покинь безсильнаго  
Средь степей голубѣющихъ.

Средь степей голубѣющихъ,  
Въ одинокой горницѣ  
Я боюсь очей моихъ,  
Я боюсь очей моихъ  
Моихъ рукъ нетрепетныхъ.

Voyez ce que j'ai fait, Seigneur!  
De mes mains, les lys de mon âme,  
De mes yeux, les cieux de mon coeur!

*Mueterlinck.*

Набѣгають сумраки.  
Мои руки сплетаются,  
Словно змѣи, сплетаются,  
И нависли рѣсницы,  
И вѣютъ влагою  
Мои ноги бѣлыя.

Затаилась горница,  
Засвѣтились свѣточи  
И уходятъ сумраки...  
Я люблюсь въ очи смуглыя  
Затаились очи...

Не входите, присѣнники!  
У меня ль не ноги бѣлыя?  
У меня ль не руки сплетаются?  
— Не входите, присѣнники!—

Обезумѣю, обезсилѣю  
За собольчатымъ пологомъ...  
Заплету я руки змѣистыя,  
Прикоснусь моихъ плечъ обнаженныхъ.  
Зацѣлую очи смуглыя...  
Не входите!..

S C H E R Z O.

Нѣсколько начальныхъ темповъ изъ «Chinoiserie».

*Годаръ.*

**Владиміру Гиппіусу.**

*Pianissimo.*

Ты свѣтишь ли?

Звѣзды скатились съ небесъ

— Одѣли все цвѣтомъ игристымъ.

Царица разврата въ нешепчущій лѣсъ

Прошла по полямъ золотистымъ.

И пташка проснулась въ дыханьи весны.

Не ты ли дыханье примѣтила?

Неровно мерцають... Вдругъ вспыхнули сны

Зеленой зарею...

Ты свѣтель.



**NATURA NATURATA.**



**Э Т Ю Д Ы.**

**(ПОСВЯЩАЕТСЯ**

графу В. О).



# БОЛѢЗНЬ.

(ПСИХИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Чѣмъ мгновеннѣй просвѣтъ, чѣмъ таинственнѣй онъ проглядываетъ, тѣмъ сильнѣй впечатлѣнье. Можно ли выразить земными словами неземныя, внезапно расцвѣтающія мысли? Но чувствуется въ нихъ воспоминаніе о преджизненномъ, залогъ на загробное и глухая тоска духа, бѣгущаго вѣчности.

*А. Добролюбовъ.*

. . . Но ощущение боли было почти приятно. Словно крышка жизни была разбита, и все минувшее изливалось въ просторѣ моря медленной струей крови.

Послѣ того какія-то змѣи—темныя, черныя—вошли въ него. Холодныя—онѣ скользили по жиламъ, прорывались сквозь мозгъ, протискивались между костей, какъ сквозь жидкій кисель, забирались въ судорожно трепещущіе глаза...

Человѣкъ возмущился.

Онъ въ безумномъ бреду сталъ гоняться за этими врагами. Но они—ловкіе, слизкіе—разламывались въ рукахъ и шли, шли...

Злоба загорѣлась. Вспыхнулъ лихорадочный жаръ.

Борьба продолжалась недолго, и скоро превратилась въ каменное равнодушіе. Змѣи шли, извивались, бѣжали.

Человѣкъ молчалъ.

Наступилъ упадокъ силъ... Больной не двигался. Руки лежали, какъ вериги, Голова тяжело ушла въ

подушки. Ноги заоченьбли. По лицу побѣжали желтизна: желчь разлилась.

\*

Пусто... улицы тянутся окаймленными синевою громадами; трубы, башни и колокольни холодно вырѣзываются въ небѣ. Всѣ двери, всѣ ставни закрыты. Откройте! Улицы тянутся безотрадной пустыней. Онъ бѣжитъ въ этотъ утренній часъ, и кручинить—печалить его чуткое сердце. Онъ знаетъ, что онъ кого-то встрѣтитъ, что здѣсь—предъ нимъ встанетъ грозное неумолимое, что ноги тяжелѣютъ, тяжелѣютъ, словно наливаясь свинцомъ...

Вдругъ появилась. Низенькая, пришибленная. Глаза ея разбѣгались. Крючковатый носъ свѣшивался книзу. Ей было холодно. Она была въ отрепьяхъ. Какія грязныя отрепья! Зеленыя морщины ползли на глаза. Коричневыя полосы выдавались на скулахъ.

Онъ остановился. При ея видѣ онъ сразу почувствовалъ, какъ весь его прежній страхъ исчезъ. Презрѣнье охватило его душу, сперлось въ горлѣ соленой влагой...

Она приближалась. Онъ чувствовалъ, какъ его шею охватывали умоляющія старушечьи руки, какъ ея морщинистыя щеки сѣлонялись къ нему, какъ гнилой запахъ одѣвалъ все его существо, какъ ея потное дыханье смѣшивалось съ его дыханьемъ,—и чувство гадливости медленно нарастало...

Болѣзнь шла къ ущербу. Но безсиліе тѣла продолжалось Правда, сознание уже пробивало себѣ тропинку среди тѣснящаго мрака. Только тропинка эта вилась узенькой лентой.

На третій день онъ понялъ, что очнулся. Это не было полное пробужденіе. Надъ его грудью, надъ его головой все еще лежала тяжелая плита. Глаза еще были слѣпы, уши ничего не слышали, обоняніе умерло, ощущеніе теплоты весенняго дня не пробуждалось.

Одинъ вкусъ бодрствовалъ и все подчинялъ своимъ проявленіямъ. Онъ одинъ замѣнилъ зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе. Онъ распространился по всему тѣлу и стоялъ—вездѣ—вяжущій, болѣзненный, чуткій. Ни на секунду его ощущеніе не исчезало. Малѣйшее движеніе вызывало его. Иногда окраска вкуса измѣнилась.

Смерть уходила... Свѣтлѣло. Что именно, это не поддавалось опредѣленію. Шелъ ли свѣтъ сверху или снизу? Былъ ли онъ рожденъ внѣ или внутри? Онъ было такъ тонокъ, такъ смѣшанъ съ темнотой, что его скорѣй можно было назвать сумерками. Но, во всякомъ случаѣ за этими голубѣющими сумерками таилась росистая заря.

Сознание едва змѣилось—маленькой змѣйкой, закороченѣвшей во время долгаго сна и грѣющейся на солнцѣ. Медленно и граціозно подыметъ она свою головку, и по ея металлическимъ кольцамъ бѣжитъ незамѣтно первое содраганіе.

За то вкусъ, какъ и раньше, стоялъ докучно надъ всѣми ощущеніями. Его внезапныя измѣненія стано-

вились понятнѣе: другія чувства уже выползали изъ своихъ долгихъ ночныхъ пеленокъ.

Стукъ двери, шаги, пролетѣвшая муха, запахъ внезапно врывающагося въ комнату вешняго воздуха— все это имѣло таинственный отвѣтъ въ раздраженіяхъ вкуса.

**ПЕТЕРБУРГСКІЯ УЛИЦЫ.**

**ПЕРСПЕКТИВЫ.**

**(ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Маріи Генриховнѣ*

*Добролюбовой).*



### Невскій при закатѣ солнца.

Влага дрожитъ освѣжительно.  
Лицъ вереница медлительна..  
Тонкія, мягкія пятна...  
Шумы блѣднѣютъ невнятно.  
Свѣтлыя башни. Вдали  
Свѣтлыя тѣни легли.

Мутною цѣпью нависшія  
Стѣны. Какъ призраки высшіе,  
Дремлютъ дома неподвижно.  
Теплится ночь непостижно.  
Зыблются краски... во снѣ  
Зыблется листъ на окнѣ.

Литейный вешнимъ утромъ.

Свѣтлой нитью вдаль уходитъ  
Гордый, тѣсный рядъ домовъ.  
Тѣни меркнутъ, чуть колеблясь,  
И весеннимъ ровнымъ солнцемъ  
Каждый камень озаренъ.

Строго смотрятъ въ окнахъ лица,  
Строги думы стѣнь высокихъ,  
Строго вырѣзалась въ небѣ  
Церковь съ темной колокольней.

Ты прошла лукаво мимо,  
Словно свѣтъ зари вечерней...  
Улыбнулись дерзко глазки.

С В Ъ Т О П И С Ъ .

(ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Маріи Михайловнѣ*

Добролюбовой).



Удаляются тайные, одѣтые зыбью всплески. Удаляется запахъ бродящаго свѣта.

Колеблются неровные рѣчные туманы. Колеблется звукъ догорающей пѣсни.

Свиваются тихо ихъ мгlistыя руки. Свивается влажно холодная роса.

Не дрогнули ль рѣзкія очертанья лѣса? Не дрогнула ль завѣса, серебрящая вечеръ?

То посѣрѣли листья неподвижныхъ деревьевъ. То посѣрѣлъ вяжущій сумракъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- 1) Все одни замѣчанія. № 1.
- 2) *Naturans naturans. Natura naturata* № 2.
- 3) Образцы «новѣйшей» поэзіи, въ переводѣ Алек.  
Добролюбова и Владиміра Гиппіуса.



АЛЕКСАНДРЪ ДОБРОЛЮБОВЪ;  
СОБРАНІЕ СТИХОВЪ; ПРЕДИСЛО  
ВІА ИВ. КОНЕВСКОГО И ВАЛЕРІЯ  
БРЮСОВА.



МОСКВА. — 1900  
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО  
„СКОРПИОНЪ“

Дозволено цензурою. Москва, 1 декабря 1899 г.

**ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА**  
**МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.**

## КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ ЛИЧНОСТИ

АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА.

Сообразно двумъ способамъ воспріятія предметовъ — способу тѣлесныхъ настроеній и способу разсужденія причинъ—у человѣка возникаютъ два результата ощущенія и познанія внѣшнихъ предметовъ: художественное впечатлѣніе и научное понятіе. Первый видъ познанія съ необходимостью вызванъ воспринимательнымъ расположеніемъ нрава личности, ея свойствомъ, качествомъ; второй условленъ общими всей человѣческой породѣ условіями разсужденія причинъ, степени и количествомъ его силъ и объема. Значить, и тотъ и другой видъ или результатъ познанія человѣкъ не воленъ выбирать: они навязаны ему отъ рожденія его природой. Познаніе человѣка связано какъ обще-человѣческими, такъ и личными условіями.

Человѣкъ, писавшій издаваемые здѣсь стихи, возмущился духомъ противъ этихъ независящихъ отъ его воли, извнѣ нудящихъ его условій познанія. Онъ задумалъ отрѣшиться какъ отъ тѣлесныхъ впечатлѣній, такъ и отъ умственныхъ понятій, и пользоваться только тѣми способами душевной дѣятельности, которыя зависѣли бы только отъ того или другого направленія, въ тотъ или другой мигъ принимаемаго его желаніемъ. Всю дѣятельность своего духа онъ замыслилъ сосредоточить въ чистой *воли*, двигательномъ расположеніи своего права.

Но одного сознанія своей воли, внѣ сознанія предметовъ, существовать не можетъ. Это понято было и этимъ человѣкомъ, и потому волею же онъ положилъ себѣ пересоздавать лѣзущіе извнѣ въ проводы его воспріятій предметы и воссоздавать свои предметы внутри себя.

Такимъ образомъ, выражая создаваемый имъ міръ въ словахъ, онъ болѣе всего приблизился къ той дѣятельности воли и ощущенія, которая присуща человѣческой природѣ въ видѣ произвольнаго воображенія. Но съ пренебреженіемъ исключилъ онъ изъ образовъ этого воображенія все, что слишкомъ очевидно происходило изъ внѣшнихъ тѣлесныхъ чувствъ, и черезъ это опять сталъ ближе къ дѣятельности разсужденія, вырабатывающей изъ внѣшнихъ воспріятій отвлеченныя понятія. Однако, и отъ та-

кой выработки этихъ понятій, которая движется въ предѣлахъ чистаго разсужденія по причинамъ, онъ такъ же быстро отшатнулся, не согласуясь съ ея условіями волей своихъ прихотей.

Такимъ путемъ создано имъ было особое творчество— не художественное и не научное, а составленное изъ отраженій и тѣней, съ одной стороны — отъ внѣшнихъ впечатлѣній и настроеній воображенія, съ другой стороны— отъ понятій и обобщеній отвлеченной мысли. Единственной управляющей силой этого творчества является влеченіе (инстинктъ) мгновеннаго расположенія личности. Этотъ ходъ творчества самъ сочинитель превосходно обозначилъ словами: „сухое опьяненіе мое“.

Въ отвлеченіяхъ этого творчества развертывается необычайное по осязательности и кровности ощущеніе всѣхъ основныхъ міровыхъ противоположностей. Изъ души живущаго не выходитъ сознаніе, что міръ и единъ и безконечно множественъ, находится и въ вѣчномъ движеніи и въ вѣчной неподвижности, что жизнь и радость и страданіе, что въ человѣкѣ—и безсиліе и всесиліе. Въ двухъ лирическихъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ въ обнаженномъ видѣ ходъ жизни во Времени, чувство трехъ его раздѣленій \*, а другой состоитъ изъ

\* „Прошедшее. Настоящее и Грядущее“.

ряда вопросовъ, расположенныхъ по парамъ, и въ каждой парѣ вмѣщающихъ противоположные исходы міровыхъ разногласій \*,— это чувство жизни, сосредоточенное можетъ быть безъ художественнаго и мыслительнаго совершенства, невольно поражаетъ и широтой ощущенія.

Есть однако и другія мѣста въ этомъ творествѣ, всегда исчерпывающіяся въ двухъ—трехъ словахъ, гдѣ оно достигаетъ великаго и глубокаго значенія. И тогда красота этихъ мѣстъ—такая, которая представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто вполне среднее между красотой образныхъ настроеній и красотой умственныхъ разсужденій и обобщеній, нѣчто, указывающее на чистое единство между мыслью и чувствомъ, наукой и искусствомъ, безличностью и личностью. Въ другихъ частяхъ того же творчества — лишь обрывки красокъ и образовъ и отзвуки отвлеченныхъ понятій.

Чтобы осуществить свой замыселъ о сотвореніи своего міра внѣ человѣческихъ чувствъ и внѣ человѣческихъ мыслей, внѣ тѣла и внѣ ума, этому человѣку оставалось выбрать, какъ наиболѣе цѣлесообразный путь, цѣльное тайновидѣніе и тайнодѣйствіе, упражненія въ тѣхъ состояніяхъ иного сознанія, которыя были извѣстны чи-

\* Эта пьеса начинается словами: „Всталъ ли я ночью?“.

стымъ мистикамъ всѣхъ вѣковъ, прежде всѣхъ индійскимъ волхвамъ, далѣе новоплатоникамъ и гностикамъ, а въ обителяхъ восточнаго христіанства производились подъ названіемъ „умнаго дѣланія“. Таковъ прямой путь къ перерожденію сознанія силой одной личной воли. Повидимому, оставивъ словесное творчество, Александръ Добролюбовъ и сталъ на этотъ путь. Но заранѣе должно предположить, что, помимо этого пути къ пересозданію міра для себя, волѣ его будетъ необходимо еще осуществить пересозданіе сознанія и у другихъ существъ. Изъ свойствъ его личности проистекаетъ, что отъ борьбы съ общеживотной, общечеловѣческой и личной природой въ себѣ самомъ, онъ обратится къ борьбѣ съ общечеловѣческой и личной природой и въ другихъ личностяхъ. Въ этомъ привѣтствуемъ мы будущую задачу этого великаго духа, который на зарѣ своей дѣятельности пытался осуществить ее въ творествѣ словесной красоты.

Иванъ Коневской.

Петербургъ.  
2 сентября 1899 г.

## О РУССКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНИИ.

Изучающіе законы стиха обычно поддаются господствующему въ наукѣ теченію смотрѣть на явленія съ исторической точки зрѣнія. Великая и плодотворная мысль о развитіи, эволюціи, такъ наконецъ ослѣпила изслѣдователей, что они почти исключительно хотятъ знать, какъ нѣчто возникло, а не что оно такое по своей сущности. Но надо помнить—по выраженію одного англійскаго мыслителя, писавшаго объ этомъ пристрастіи,—что вещи не только становятся (become), но и суть (are).

Можетъ быть стихъ, размѣръ возникъ изъ подражаній звукамъ природы или пѣнію птицъ, можетъ быть онъ возникъ изъ такта пляски или изъ равномернаго напряженія мускуловъ при работѣ... можетъ быть. Возникнуть стихъ могъ разными путями, но наука о искусствѣ должна еще рѣшить, что онъ есть по себѣ. Не забудемъ, что стихъ являлся у самыхъ различныхъ народовъ, на всѣхъ кон-

цахъ земли, во всѣ вѣка; — это свидѣтельствуеть, что стихъ не случайность, не придуманное украшеніе.

Стихъ нуженъ человѣку, потому что у него есть потребность сказать инья рѣчи болѣе выразительно, чѣмъ то можетъ разговорный языкъ, такъ чтобы сказанное запало въ душу. Стихотворная рѣчь достигаетъ этой цѣли тѣмъ, что дѣлитъ рѣчь на опредѣленные, легко обозримыя части. Стихъ есть нѣкоторое цѣлое. Въ этомъ сущность стиха—метрическаго, тоническаго, силлабическаго, всякаго. Каждый стихъ долженъ обладать душой, ему дана поэтомъ обособленная жизнь. Ошибается, кто при чтеніи вслухъ не отмѣчаетъ этой цѣлостности стиха.

Мѣра стиха — образъ. Величина стиха опредѣляется количествомъ заключенныхъ въ немъ образовъ, то есть вообще важныхъ, значущихъ выраженій. Въ отдѣльномъ произведеніи стихи или равновелики или находятся между собой въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, составляютъ половину, треть, четверть \*. Тѣ стихи равновелики, которые равны по количеству образовъ. Образы эти стоятъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, хотя бы—въ самомъ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ. Вниманіе привыкаетъ къ такому расположенію, читатель ждетъ на привычномъ мѣстѣ важ-

\* У прежнихъ поэтовъ эти отношенія проще; у современныхъ болѣе сложныя, выражаемая иногда дробями съ знаменателями 5,7..

наго для смысла выраженія. Слѣдовательно стихъ еще располагаетъ слова по значенію, какъ бы выдвигаетъ болѣе важныя, привлекаетъ къ нимъ вниманіе.

Измѣреніе стиха числомъ долгихъ и краткихъ гласныхъ, или просто числомъ слоговъ, или числомъ удареній—лишь вспомогательное средство. Съ помощью такого счета легче различить, гдѣ кончается стихъ, слушателю легче дѣлать стихъ на отдѣльныя части—стихи. Въ метрическомъ стихосложеніи счетъ моръ (*mora*) оказываетъ значительную помощь, ибо стихи бываютъ равны по времени, какое нужно на ихъ произнесеніе; менѣе помогаетъ счетъ удареній въ тоническомъ стихѣ, еще менѣе счетъ слоговъ въ силлабическомъ; вотъ почему въ этихъ послѣднихъ стихахъ обычно употребляютъ риѐму, созвучіе, чѣмъ рѣзче означается конецъ стиха. Для читающаго глазами, въ книгахъ, много помогаетъ, что каждый стихъ начинается строку.

Въ теченіе многовѣковой жизни стихъ видоизмѣнялся, развивались его отдѣльныя стороны, особенно звучность. Въ наши дни прогласица стиха (мелодія) придаетъ какъ бы новое значеніе словамъ. Игра второстепенными удареніями, сочетанія начальныхъ и рѣзкихъ согласныхъ, внутреннія созвучія—все это могучія средства для искуснаго стихотворца. Но, конечно, слова подобранныя только такъ,

чтобы они красиво звучали, еще не образуютъ стиха. Сущность стиха—равновѣсіе образовъ, а звучность—его прикраса.

Въ Западной Европѣ стихосложеніе основано на началахъ, найденныхъ народомъ. Мы же отвергли народный способъ складывать стихи, и заимствовали стихъ сначала у поляковъ, потомъ у нѣмцевъ. Русскому языку доступно какъ тоническое, такъ и силлабическое стихосложеніе (мнѣніе, что силлабическій стихъ связанъ какъ то съ постоянствомъ удареній ни на чемъ не основано и опровергается примѣромъ хотя бы итальянскаго языка), но *оба* они намъ чужды. Это чувствуется уже въ той робости, съ какой пользуются тоническимъ стихомъ русскіе поэты. Мы не допускаемъ и десятой доли вольностей, обычныхъ въ англійскихъ стихахъ. Область нашихъ точныхъ созвучій крайне бѣдна (сравнительно, напримѣръ, съ французскими), и наши поэты постоянно возвращаются къ однимъ и тѣмъ же приемамъ. Многія русскія слова не укладываются ни въ какой тоническій размѣръ. Бѣдные изгнанники, о которыхъ *versu non dicere possis...* — по выраженію римскаго поэта.

Тоническій стихъ дорогъ намъ, ибо имъ писали—Пушкинъ, Баратынскій, Тютчевъ, но вѣдь не сохраняемъ же мы изъ поклоненія имъ усѣченія прилагательныхъ, риемованіе *ё* съ *ъ*, имена олимпійскихъ боговъ, и иное по-

добное. Что до Пушкина, онъ любилъ народные размѣры и къ концу жизни все чаще возвращался къ нимъ. Притомъ развѣ не естественно поставить выше авторитета великихъ русскихъ писателей—примѣръ народа, который вѣками раздумывалъ, какъ бы поскладнѣе сложить пѣсню и конечно зналъ духъ русскаго языка, имъ самимъ созданнаго. А русское стихосложеніе, что бы ни говорили его изслѣдователи \*,—не тоническое.

Мнѣ кажется, что ни въ одномъ стихосложеніи не выразилась такъ ясно самая сущность стиха, какъ именно въ былинномъ складѣ, въ стихѣ нашихъ сказителей. Стихи въ былинахъ обычно равны между собой. За стопу (за образъ) считается не непременно слово, а вообще цѣлостное понятіе; таковы сложные слова „*Океанъ море*“, „*тугой лукъ*“, „*по утра рано*“, таковы и соединенія совершенно самостоятельныхъ словъ, если они тѣсно связаны по мысли. Если такихъ выраженій въ стихѣ будетъ нѣсколько, стихъ будетъ длинень, если, наоборотъ, важное значеніе имѣютъ слова, небольшія по числу слоговъ, стихъ будетъ коротокъ. Вотъ два трехстопныхъ стиха:

Чтобы въ чистомъ полѣ | добрый конь | да сподъ сѣдла  
не выскочилъ,  
Добра молодца | въ чистомъ полѣ | не выронилъ.

\* Стоять вниманія два изслѣдованія о русскомъ народномъ стихосложеніи: 1) П. Д. Голохвастовъ. Законы стиха. Памят. древн. письм. Спб. 83. 2) Ф. Е. Коршъ. О русскомъ народномъ стихосложеніи. Извѣстія Акад. Наукъ. Спб. 96—7.

А вотъ короткій стихъ тоже трехстопный:

Вси | на пиру | да напивалися.

Въ старинкахъ и пѣсняхъ, сложенныхъ однимъ размѣромъ (напр., трехстопнымъ), нерѣдко встрѣчаются стихи и иные (двухстопные, четырехстопные). Это—или застывшіе стихи, переходящіе изъ одной пѣсни въ другую, или стихи, образующіе особый отдѣлъ, самостоятельный по смыслу, изъ двухъ стиховъ и болѣе; иногда же это стихъ, имѣющій важное значеніе, который необходимо выдѣлить. Вотъ примѣръ вставочныхъ, двухстопныхъ стиховъ:

Засвисталъ по соловьиному,

Закричалъ онъ по звѣриному.

—

Съ горы на гору, съ холмы на холму.

Въ русскихъ словахъ удареніе имѣетъ громадное значеніе; гласныя подъ удареніемъ произносятся четко, близкіе согласныя тоже; неударные слоги, напротивъ, глухи, иной разъ теряются. Русскій стихъ, конечно, не можетъ пренебречь удареніемъ. И народное стихосложеніе приняло его во вниманіе, но какъ средство благозвучія—не болѣе. Въ народныхъ стихахъ нѣтъ столкновеній удареній,

промежутки между удареніями не слишкомъ велики — и только. Знаю, что можно найти въ народныхъ стихахъ ямбы и хорей, какъ ихъ находилъ уже Третьяковскій, а позднѣе Гильфердингъ, но ихъ можно найти и въ любой русской прозаической рѣчи \*.

Стихи, къ изданію которыхъ настоящая статья служить вступленіемъ, замѣчательны между прочимъ и своимъ складомъ. Въ нихъ сдѣлана попытка освободиться отъ всѣхъ обычныхъ условій стихосложенія. Иногда въ нихъ чувствуется тоническій размѣръ, потомъ онъ исчезаетъ; иногда возникаетъ риѐма, иногда ея нѣтъ. Стихъ повинуется только внутреннему размѣру настроенія, а не внѣшнимъ правиламъ. Этотъ складъ скорѣй всего напоминаетъ вольные стихи (*vers libres*) современныхъ французскихъ поэтовъ Verhaeren'a, Vielé Griffin. А. Добролюбовъ читалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но стоитъ обратить вниманіе, что онъ (какъ то видно изъ его перваго сборника) любовно и внимательно изучалъ и русскіе народные стихи.

Валерій Брюсовъ.

\* Въ тѣни высокой липы  
На берегу Москвы рѣки  
Недалеко отъ Кунцева  
Въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней...

Эти ямбы составляютъ начало Тургеневского „Наканунѣ“.

АЛЕКСАНДРЪ ДОБРОЛЮБОВЪ

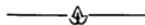
ТОГО ЖЕ АВТОРА:

*Natura naturans. Natura naturata.* Тетрадь 1-ая.

Спб. 1895 г.

I

Я предвижу, о отдаленнѣйшій изъ потомковъ моихъ, какая огненная и до необычайности и непредвидимости чуждая струя зашипить по развертывающимся жиламъ твоимъ, въ какомъ вѣчномъ стремленіи перехода живетъ душа твоя. Но не гордись и чрезъ многіе равнодушные годы вспомни, что я такъ подробно предвидѣлъ тебя и тѣхъ же лучей лепетаньемъ гордился. Вѣсомъ и блаженствомъ мы будемъ неравны, но въ тебѣ есть кровь моя, въ тебѣ смерть моя! ибо ты возвышаешься на обломкахъ моихъ. О! пусть и смѣхъ надо мною, если онъ нуженъ, пусть и лихорадочное недовѣріе моей сравнительной недвижности и ужасному безчувствію скаль. Но вспомни хотя на мгновеніе, что во мнѣ лежали и только случайно не вспыхнули зародыши всѣхъ мыслей и движеній твоихъ, что я такъ подробно предвидѣлъ тебя и возсоздалъ заранѣ живого тебя и твою удесятенную жизнь.



II.

Стихъ — стихія; въ опьяненномъ полетѣ  
Развиваетъ новую силу,  
И новая стала надъ старой волной,  
Грозитъ главою побѣдной.  
То гроза! ее нельзя угадать  
Слѣпцу, больному, возвращенному къ жизни врачами;  
Больше, меньше нельзя понимать,  
Можно только въ море покорно уноситься одними  
и тѣми жъ волнами.



III.

*(Посв. Я. И. Эрлиху).*

Всталъ ли я ночью? утромъ ли всталъ?  
Свѣчи задуть иль зажечь приказалъ?  
Съ кѣмъ говорилъ я? одинъ ли молчалъ?  
Что собиралъ? что потерялъ?  
— Гдѣ улыбнулись? Кто зарыдалъ?

Гдѣ? на равнинѣ? иль въ горной странѣ?  
Отрокъ ли я, иль звѣзда въ вышинѣ?  
Вспомнилъ ли что иль забылъ въ полуснѣ?  
Я ль надъ цвѣткомъ, иль могила на мнѣ?  
Я ли весна, иль грущу о веснѣ?

Воды ль струятся? кипить ли вино?  
Все ли различно? все ли одно?  
Я ль въ полѣ темномъ? я ль поле темно?  
Отрокъ ли я? или умеръ давно?  
— Все пожелалъ? или все суждено? —



IV.

SOTTE SUITE.

1.

Сегодня за здравье твое я бокаль подымаю.  
Приближаюсь къ дверямъ, долго жду.  
О, выйди на мигъ, царь лукавый и добрый!  
Я пилъ безъ тебя, но взгляни! твой полнѣе бокаль.

Клянусь! не для вѣры тебя я зову.  
Какъ призракъ пустой, промелькнешь ты во мнѣ средь  
видѣній другихъ.  
Можетъ быть, только тѣло дрогнетъ при первомъ мгновеньи.  
Но я улыбнусь и воздвигну бокаль.

Нѣтъ! я вспомнилъ... не въ первый разъ смущаютъ видѣнья меня.

Когда - то я былъ легковѣрнѣй:  
Обманутый заученными заклинаніями и кругами,  
Я тебя призывалъ...

... Но ты не являлся.

И сегодня не видно тебя, и сумракомъ вѣютъ всѣ комнаты.

## 2. ПОКОЙНОМУ ДРУГУ.

Немного осталось мгновений... Пока не покоренъ я снова  
привычкамъ и сну.

Войди же безшумно въ вечерній покой!

Уѣхали братья, сестры и мать. Я одинъ.

Великая грусть по тебѣ побѣждаетъ меня.

О милый! не смѣйся сей сухости грусти!

Всѣ великія чувства имѣли сопутника — холодность.

Почему то я вѣрю, что ты при жизни томился любовью  
ко мнѣ?

За здравье твое я глотаю горькую брагу.

3.

Я повторилъ свой заговоръ мощный надъ всѣми дверями,  
Вблизи описалъ кругъ охранительный отъ силы наземной.  
И ты задрожалъ за окномъ моимъ, увы! прозрачный, не-  
вѣрный,  
И руки твои сотворили крестъ православный.

Скажи лишь одно! тебя я узналъ вчера въ той ужасной  
толпѣ?  
Неужели что было умираетъ навѣки, хотя бь безконеч-  
ность видѣлась въ немъ?  
За здравье твое я пью эти Слезы Христа.  
Навѣки подь кожей моей юная гордая рана.

4.

„Товарищъ! не вѣрь ни отжившимъ ни мертвымъ!  
Зачѣмъ пропадать двумъ бокаламъ вина?  
Съ тобою воздвигнемъ мы ихъ, и безумье  
Опять оживить насъ, звеня позвонками изъ мертвыхъ  
костей.

Не наше ль приблизилось, милый, мгновенье?  
Въ очахъ твоихъ вижу яркій цвѣтокъ.  
Пусть прокляты лишь всѣ неудачи,  
Всѣ мертвые и Сатана!“

5. R E V E I L.

Здравствуй, пробужденье,  
Гдѣ же ты, мгновенье?  
Такъ близка печаль.  
Отчего далеко.  
Снова одиноко,  
Снова жаль.  
Эти грезы были,  
Эти слезы жили,  
Но душа ясна.  
И мрачна собою  
Завистью больною  
Я полна до дна.

6. ИСХОДЪ. НАРЦИССЪ.

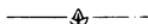
Въ моихъ очахъ глубокихъ, атласныхъ,  
Только себя я увидѣть могу,  
Родникъ не хочетъ знать другихъ прекрасныхъ.  
Я словно тѣнь на его берегу!  
О! если очи мои тебя отражали,  
Клянусь! я могъ видѣть только себя въ твоихъ.  
Вотъ откуда всѣ радости мои, всѣ печали!  
Вотъ отчего задумчивъ мой стихъ!

7. ЕЩЕ ИСХОДЪ. ЗЕРКАЛО.

(Pas clair).

„Волшебными карликами  
Я создано,  
Все что проходить  
Отражено.  
Хитрые карлики,  
Мы не любимъ себя,  
Видъ чужой принимаемъ,  
Видъ его иль тебя.

Когда же пустое  
Глядитъ на насъ,  
Мы такъ нагибаемся,  
Что не видно насъ.  
Мы все изучили  
И любимъ все.  
Но не отразитъ намъ  
Твое я, свое“.  
Такъ говорила мнѣ  
Лида одна.  
Вѣрьте, не вѣрьте,  
Это она.  
Мудростью дѣвочки  
Вамъ не догнать:  
Въ ней, какъ и въ зеркальцѣ,  
Всего есть печать.  
И что же зеркальца  
Будетъ мудрѣй?  
Отвѣтьте Лидочкѣ  
На это скорѣй!  
Лидочка хвастаетъ,  
Что видѣла днемъ  
Карликовъ „вѣрныхъ“  
За каждымъ стекломъ,  
За всѣмъ отраженнымъ,  
Стуломъ, стѣной иль столомъ.



V.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Мы не хотимъ превратной свободы.  
Будемъ покорны законамъ всего.  
Эти деревья, животныя, воды  
Ходятъ путями Творца Самого.  
Мы не хотимъ надъ землю  
Вѣчно вѣчнымъ сознаньемъ какъ солнце сіять,  
Жаждемъ повергнуться въ море заката, покоя,  
Жаждемъ растеніемъ снова блестя расцвѣтать!  
Солнце надъ нами восходитъ недаромъ,  
Краски недаромъ намъ сладки и сны.  
Мы надъ землю возстали закатнымъ пожаромъ,  
Дымные жъ корни для земли рождены.  
И не постигнуть кумиру кручины,  
Которая въ сердцахъ нашемъ блеститъ

Мы выше боговъ, но, достигнувъ небесъ половины,  
Отвержень огонь и на землю клубами летить.  
Но еслибъ достигъ небеснаго взора,  
Навѣки погибъ бы весь міръ.  
Во снѣ мы провидимъ просторы,  
Которыхъ не знаетъ внѣмірный бездушный кумиръ.  
Краски захода пестрѣе восхода  
И жертва наша не для другихъ, для себя!  
Пусть несвобода наша свобода,  
Но мы умираемъ, что - то безумно любя.

2.

На каждой ступени мы нашли совершенство,  
Мы когда - то молчали въ мертворожденныхъ камняхъ,  
Воздушные „гдѣ - то“ искали блаженства  
И нашли на своихъ и чужихъ ступеняхъ.

Но это вращенье ограничено вѣчно.  
Кто можетъ иль знаетъ другое, скажи, облегчи!  
Затѣмъ - то въ безстрастіе мы летимъ скоротечно,  
И еще въ бытіи болѣе всѣхъ обособленномъ мелькаютъ  
преджизни и смерти лучи.

3. ПОШЛОСТЬ И РАБСТВО.

Силы равны передъ Брамой создавшимъ.  
Каждому свѣтъ озаряетъ чело,  
Но неизбежно уходитъ веселье.  
Въ этомъ и жизнь! понимай!  
Ты, воздвигавшій вѣрою горы,  
Вѣрою только въ себя,  
Сталъ мужикомъ, и безмысленны силы,  
Безгорестна жизнь.  
Мы — униженные отблески силы,  
Искры искусныхъ костровъ.  
Мы создавали, мы пожелали.  
Смѣйся надъ нами въ глаза!  
Въ очи взглянуло пустое пространство,  
Наслѣдіе праха сказалось опять.  
Очи покорны, улыбка безстыдна.  
— Мы бѣдные дѣти большихъ городовъ.



VI.

ПѢСНЯ.

Кто забылъ о послѣднемъ бокалѣ,  
Недостоинъ и слыть мудрецомъ.  
Пусть искупить мечтанья, печали  
Молодецкимъ безумнымъ глоткомъ!  
Въ желтыхъ стеклахъ такъ рѣако кровавое,  
Въ твоей грусти такъ странно веселье.  
Опьяняясь чѣмъ знаешь — разсудкомъ, забавою,  
А превыше всего есть похмелье!



VII.

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ.

Каждый звукъ церковнаго звона  
Мнѣ дороже одеждъ и кадилъ,  
Каждымъ членомъ впиваю я звоны  
Отъ могущества до паденія силъ.  
И не знаю внезапной причины,  
Но приходятъ веселые дни.  
И растутъ, дрожать безъ причины  
Эти звуки въ душѣ и груди!



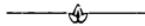
VIII.

ИЗЪ „БЕЗСТРАСТІЙ“.

(ЖЕМАННЫЕ ЭТЮДЫ).

1.

Мы свершили весь путь безстрастія смѣло,  
Не дрогнуло даже сожалѣнье въ груди,  
Глубоко дышало юное гордое тѣло...  
Мы стояли на страшномъ пути!  
Непонятно теперь, зачѣмъ такъ тревожно  
Достигла навѣки безстрастья душа  
И что дѣйствовать снова безумно возможно,  
Опьяненіемъ розы вечерней невинно дыша.



IX.

Въ водѣ холодной, какъ страна Большой Звѣзды,  
Отъ берега въ пескахъ отдвинувшись ногою.  
Хотѣлъ бы плыть я ввѣкъ и радовать тоскою  
Всѣ души, что во мнѣ отъ роскоши горды.  
Какъ стадо демоновъ, во мнѣ сто тысячъ душъ,  
И каждая кричить, но не о той отчизнѣ.  
Противень блескъ луны и зелень рѣдкихъ сушъ.  
Я познаю теперь все благо жизни!  
То предки ли въ рѣкахъ вѣками обитали?  
Но лучше кто вино поможетъ мнѣ подать,  
Чѣмъ токъ волны, въ которой вся печать  
Широкой, но безконечной дали.  
Привѣтъ святой купцамъ съ живыми кораблями!  
Они познали суть — и счастье, и несчастье.  
А корабли ласкають, рѣжутъ лебедиными грудями  
Морскую грудь холоднаго живого сладострастья.



X.

Сегодня, если хотите, мнѣ близко безумье всего:  
Какъ растеніе скучную жизнь я стараюсь вести, мѣрно  
шепчутся листья;  
Песочнымъ пластомъ я способенъ тяготѣть къ средо-  
точью;  
Въ беспорядочныхъ чувствахъ вращаться свѣтиломъ  
земли.

Но грустно быть близко, дѣйствительно себя забывая;  
И горько проникнуть въ сухое теченье вещей.  
Все само расползалось, во всемъ есть безсилье великое,  
И лишь кое-гдѣ блистаютъ высокіе свѣточи міра.

Земля! можетъ быть, ты въ сіяньи... но свѣтъ твой уви-  
дитъ  
Не ты, — обитатель блестящихъ за тучами чуждыхъ свѣ-  
тиль.

Но въ нашемъ стремленьи другъ къ другу указанъ путь  
совершенства,  
И другъ друга когда - нибудь очами навѣки поймутъ.

Только не бойтесь себя, дѣти правды и солнца!  
Пусть зеркало лжетъ, пусть въ немъ правое — лѣвое!  
Душа искажается въ зеркалѣ въ тѣло, въ себѣ она только  
душа.

Не учитесь у равнодушнаго времени, у смерти, отойдите  
отъ струй!

Меня жъ побѣждаетъ такая широкая сила отлива,  
И странно, что способна еще прошедшее помнить душа:  
Со мной ничего не случилось, не будетъ, я могу быть  
покоенъ,  
Наслѣдственно всѣмъ намъ дана слѣпота слабѣющихъ  
глазъ.



XI.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦЪ ПРИРОДЫ.

Ахъ! какъ скалы проснулся я сразу въ царствѣ своемъ,  
но холодномъ,

Какъ воды ожилъ въ теченіи (въ немъ скрывается,  
знайте! прообразъ забвенья...)

Хоть утеряно что-то сразу...

Скалы же вѣчные стражи. Въ каменномъ ввысь уходя-  
щемъ сомнѣннѣ

Стали; можетъ, смѣются надъ тобой, не свободнымъ.

Скалы поднялись скалами, изрѣзаны необъяснимо чер-  
тами.

Не замокъ ли выросъ безъ воли строителя, не для вла-  
дѣльца?

Пошлый пришелъ сюда человѣкъ и рыдать научился!

Долго смѣясь любовался на скалы,

Долго глупое думалъ о себѣ или всемъ, чувствовалъ  
даже о величьи природы.

„Я человекъ.

Вы скалы природы...

Васъ не преслѣдуетъ тайна отцовъ.

Вамъ для любви не нужно унизиться.

Не нужно чужого счастья, признанья“...

Здравствуйте жъ и отъ меня, скучныя, грустныя, скалы!



XII.

ИЗЪ „БЕЗСТРАСТІЙ“.

(ЖЕМАННЫЕ ЭТЮДЫ).

2.

КАРЛИКИ НАДЪ МОГИЛОЙ ЦАРЕВНЫ.

... къ нѣкоторымъ мыслямъ  
человѣчество будетъ возвра-  
щаться въ новыхъ видахъ, что-  
бы яснѣе выразить ихъ внутрен-  
нее противорѣчіе.

А. Д.

Ахъ! угасло навѣки великое тѣло!  
Странной жизнью мы снова живемъ;  
Мы ничтожные дѣти пустоты, недостатка, предѣла;  
Мы приникли рыдая надъ мертвымъ цвѣткомъ  
Въ безконечности выросло вдругъ прекрасное ко-  
нечное тѣло,  
Дохнула незримо близъ сердца и въ сердцѣ душа;

Какъ сны надъ прекрасной кружились мы смѣло,  
Воротить, опьянять, увлекаться спѣша,  
— Такъ что и въ насъ зародилась душа!  
Увы! наши пѣсни цвѣточныя изысканно странны,  
Не имъ воскресить силу личности вновь.  
Но клянемся Творцомъ: жизнь въ себѣ навсегда не-  
устанна  
И безсмертна, хоть умерла эта любовь!



XIII.

Сила моя не въ безсиліи, братья!  
Смѣхъ мой и дѣтямъ нравится, братья!  
Но не забыть мнѣ прошлаго, братья!  
Съ любопытствомъ младенца въ него я гляжу!

Говорять, тамъ цвѣты расцвѣтали,  
(О нихъ я вспомнить ничего не могу!)  
Говорять, я когда-то сказалъ  
И разстался съ кѣмъ - то въ печали,  
Хоть любить, нелюбить давно пересталъ.

Но вино сегодня весь міръ осѣнило,  
Вино неестественныхъ безжизненныхъ чувствен-  
ныхъ странъ,  
Пламенемъ очи въ шутовой игрѣ навѣкъ озарило  
И я вѣрю собственнымъ только очамъ.

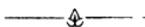


XIV.

ЛИДОЧКЪ.

Я отвернусь и не вижу тебя,  
Вижу деревья и землю...  
Съ той стороны прибѣжишь ли. вновь я  
Очи на небо подѣмлю.  
Нѣтъ! не увидѣть навѣки тебя,  
Ты же меня и не видишь,  
Пусть наша шутка лишь смѣха полна,  
Все жъ ты меня ненавидишь!  
Вижу теперь потолокъ у окна,  
Ты подъ окномъ выше рвешься.  
Будешь когда - нибудь выше, стройна  
И надо мной засмѣешься.  
Шутка — безумье. Вотъ въ кресло сѣлъ я,

Очи закрыты для міра.  
Можешь тревожить руками меня,  
Ты не живешь, тебя нѣтъ для меня,  
Бѣдное сердце закрыто для міра.



XV.

О! дайте мнѣ вина для чувствъ,  
Бокаль съ зеркальными струями!  
Вновь не хочу однихъ искусствъ,  
Пусть влага къ небу бьетъ буграми!  
Вновь жажду упиваться снами...  
Онъ предо мной возникъ какъ мигъ,  
Какъ мигъ исчезъ сверкнувъ ногами.  
Не смѣлъ стремиться въ даль очами,  
Въ глубокой голосъ я проникъ,  
Вновь упивался полуснами...  
Кто душу видѣлъ, гдѣ, когда?  
Она въ лицѣ моемъ дрожала,  
Въ моряхъ дробилася звѣзда...  
И сердце гордое тогда.

Впервые снова познавало.  
Однообразіемъ безумно  
Исполнена навѣкъ душа,  
Одной лишь мыслию дыша  
— Полумечтательно, то шумно,  
Какъ лѣсъ предутренній, но шумный!  
Но это горе неразумно:  
Я даже словъ сухихъ напрасно  
Ищу въ ликующемъ мозгу.  
Я полюбилъ тебя бы страстно,  
Тебя любить же не могу,  
Любя и нѣтъ, все жъ странно лгу!



XVI.

ПРОШЕДШЕЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ГРЯДУЩЕЕ.

Вы идете своею тропинкой  
Раздѣляя собою двѣ пропасти,  
Пропасть прошедшаго и пропасть грядущаго,  
Непрерывно убѣгающія отъ васъ  
И вѣчно чуждыя вамъ.

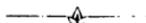
Всѣ ступаете только тамъ, гдѣ ступаете;  
Ваша жизнь только тамъ, гдѣ мгновеніе,  
Гдѣ преходящее, гдѣ все убѣгаетъ, гдѣ нѣтъ ни-  
чего!

Но старайтесь быть мудрымъ и радостнымъ:  
Наслаждайтесь небытіемъ бытія.

И бойтесь мечтаній о чуждомъ:  
Воспоминаніе осталось въ лѣсной глубинѣ,  
И да не сіяетъ оно передъ вами  
Назойливымъ свѣтлымъ жилищемъ,  
Навѣки затеряннымъ, навѣки роднымъ...

Пусть живетъ настоящее сильно  
И торжествуетъ въ трезвой красѣ!  
Но да будетъ ослѣпительнѣй трезвости  
Молодого грядущаго даль!  
И не бойтесь подобныхъ мечтаній!

Тамъ я слышу звуки военныхъ роговъ!  
Вижу чей то безрадостный взоръ!  
Тамъ, быть можетъ, воскреснетъ и воля моя  
И проявитъ всесилье свое!  
Тамъ желаетъ и ожидаетъ она воплощеній своихъ.



XVII.

Очи твои не одни такъ сіяли,  
О жаждѣ высокой сіяло, говорило чело,  
Мнится я видѣлъ незамѣтныя слезы на этихъ рѣ-  
сницахъ.  
Что озаряло тѣ, первыя ночи, — волной унесло.

Не напрасно волны воюя уходятъ,  
И трепещетъ камышъ и вода,  
Все отражается въ внѣшнемъ, и силой любви пред-  
стоящей  
Многое я, тебя тобой озарилъ.

Пусть не хочу вспоминать, безстыдно желанье,  
Если бы ожило сердце, я не страшился бъ тебя,  
Боюсь, твой образъ все скажетъ, угасить мечтанье,  
Если пойму, не любить уже такъ никогда



XVIII.

Средь движеній и людей  
Многое я видѣлъ.  
Такъ сегодня и тебя  
Вдругъ возненавидѣлъ.  
И ушло мгновенье въ даль...  
Снова возставало,  
Но о чемъ никто, ничто  
Никогда не знало.  
Такъ зачѣмъ печаленъ я?  
Ахъ зачѣмъ нарочно  
Захотѣлъ предвидѣть я  
Все, что такъ роскошно?  
Не безумья дайте мнѣ!  
Молодого ока,  
Чтобы пошло и легко  
Видѣло глубоко.



XIX.

На вечеринку уединенную  
Его я жду,  
Не въ ночь полусонную  
Жду.  
Нѣтъ ничего особенно дорогого  
Въ немъ для меня,  
Но отчего не длить въ душѣ и пустого  
Полуогня?  
Я освятить хочу и мелочь,  
Вновь дать душѣ дышать!  
Желаю все во всемъ такъ дѣлать.  
Чтобъ ввѣкъ дрожать.



XX.

Зачѣмъ въ созвучьяхъ я услышалъ  
Удары рукъ, ихъ стукъ глухой?  
Зачѣмъ въ напѣвахъ такъ ловилъ я  
Безумно-странную струю?  
Мертвы теперь навѣки звуки...  
Для міра я глухонѣмой,  
Но какъ Бетховенъ міръ грядущій  
Творю глубокой глухотой.  
Вдругъ сердце плачетъ въ новой боли...  
Кто объяснить, въ чемъ горе то?  
И отчего такъ сухо чувство?  
И сердце нѣмо отчего?



XXI.

ВСѢМЪ.

Въ вѣчности счастья течеть творенье.  
Назойливымъ вопросамъ не доходитъ отвѣтъ.  
Свѣтлой печальной струею всѣ полны мгновенья,  
И звучить вездѣ невидимый неслышимый дальній  
привѣтъ.

Юноша! тоска безконечнаго тебя сломила,  
Разложила на половины, заронивъ сѣмя клѣтки другой,  
Но боль исполнила члены ребенка,  
И ты долго протяжно въ пустынь горючей кричалъ.  
Окупись въ счастье, умри отъ любви!  
Царство идетъ неизмѣнное, царство плоти и крови!

Солнце, вселенную къ славѣ маня, далеко заходить.  
Кровь ты, плоть! утѣшься на вѣчный закатъ не гляди.  
Я зажгу этотъ трупъ, этотъ камень о могучія краски  
небесъ.

Обойму, зацѣлюю святое...

А утѣшенья тебѣ выдумывалъ человекъ все разныя!  
...Такъ на мое  
Странно и пенять!

Собака рыдающая о властелинѣ!  
Кто правду скажетъ, тому лжетъ.  
Конечно, не главное страдать, но рана твоя разбережена.

Учи себя утѣшаться и отчаиваться.

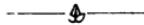


XXII.

ПОЗНАНЬЕ.

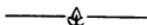
А мнѣ вѣдь, братцы, чудо объявилось,  
Явь во снѣ иль сонъ во днѣ.  
Пришло дитя край пропасти,  
Незнаемо, съ очами темными,  
И видитъ мглу незрящую,  
А въ пропасти мірская ночь!  
Имъ водятъ духи легкіе,  
Насмѣшники незлобные,  
Несутъ ребенка край моря  
На камень Алатырь.  
Морской сидѣлецъ сердится,  
Плюетъ въ глаза безвѣчные,  
Возстали горы синія.  
Крутѣ горъ земныхъ,  
Предъ неглядящимъ носятся,  
А онъ приросъ къ земли!  
Такъ водятъ духи лунные,  
Всю жизнь его хранятъ.

Безъ матери—нерадостно,  
Незримы души смѣлые,  
Заплакало дитя.  
Подайте гусли тонкія,  
Желаю плакать вновь!  
Пусть вѣтры вдаль вздымаются,  
То море струнь касается  
И темный лѣсъ поеть.



XXIII.

Чѣмъ дальше дни идутъ, тѣмъ легче мнѣ туманъ,  
Тѣмъ очи ярче истину смежаютъ,  
Но вмѣстѣ встаютъ два бога—холодъ и обманъ  
И, словно звѣри, вновь меня сражаютъ.  
Затѣмъ ли я припалъ къ путямъ, Восторгъ, твоимъ,  
Затѣмъ ли сердцу не сочестъ бѣній,  
Что все одинъ и тотъ же перемѣнный жертвы дымъ  
И что восторга нѣтъ, гдѣ много достижений?  
Восторга нѣтъ, гдѣ нѣтъ однихъ сомнѣній!  
Клянусь! напрасно скорбь безумно вокругъ близка:  
Не потерялъ я въ разныхъ жизни сочетаньяхъ.  
Но неужели умъ, ширясь вѣкъ въ мечтаньяхъ,  
Являетъ ложь свою и никнетъ, хоть и цѣль близка?  
Нѣтъ! вспомни, человѣкъ: твой сонъ едва ль порочень,  
А отдыхъ царь всего. (Зачѣмъ лишь я не спить?)  
Безумный ночью бдитъ,  
Умнѣйшій даже днемъ часъ сонный любить очень.



XXIV.

Шли годы. Онъ  
Вступилъ въ привычный дикій сонъ.  
Тянулись дни необозримо,  
Знакомый врагъ неуловимый,  
Разсудку только достижимый,  
Вставалъ безсильный каждый день.  
Часы, гдѣ явное вдругъ зримо,  
Покрыла голубая тѣнь.  
Въ неутомимой печали  
Видѣлъ онъ призраки лицъ,  
Смутныя рѣчи звучали,  
Плакать хотѣлось и кланяться ницъ...



XXV.

Дешево вамъ сожалѣніе,  
Только скажи иль солги,—  
Брызжетъ изъ глазъ умиленіе,  
И замирились враги.  
Но униженъ навѣки:  
Кто непреклонно скучаль  
Иль нестраданьемъ страдалъ,  
Вамъ отомститъ, человѣки.  
Не оскорбитъ онъ своимъ  
Силы чужой разумѣньемъ,  
И отзвучитъ неземнымъ  
Откликъ его сожалѣньемъ.



XXVI.

А и вся сила изгибла  
На непосильномъ пути!  
Плотную загородь сшибла,  
Только ея не пройти.  
Мрутъ одинокія силы  
Въ рабской пустынѣ людской,  
Близко инымъ до могилы,  
Властенъ надъ тѣми покой.  
Праздно слеза заблестѣла,  
Праздный завидѣлъ слезу,  
И потерялась въ лѣсу  
Капля високаго дѣла;  
Дивныя хлещутъ озера  
Въ листъ на поверхностяхъ водъ.  
Смотрятъ недвижныя горы,  
Смотрятъ безстрастные взоры  
На застоялый походъ.



XXVII.

ЛЮДЯМЪ.

Кто можетъ на васъ сердиться?  
Вы—сказочка Ваня и Маша.  
Глазки дуются, ротикъ смѣется.  
И неужели вы сдѣлались старшими,  
Только потому, что старые умерли,  
Что отвѣтственность за цѣпь падаетъ на васъ?

Эти дѣти поняли тайну неудержной любви къ внѣшнему.  
Дѣвочки заломили руки и молчатъ,  
Юноши часто томятся безсонными ночами,  
Но въ душѣ всѣхъ порхаеъ и тотъ же дѣтскій сіяющій  
МОТЫЛЕКЪ.

Ему люба темница...

Ахъ! быть бы сто лѣтъ младенцемъ,  
Къ кое-чему бы тогда приотерпѣлись,  
Но грозно врывается въ окна настойчивый крикъ общества,  
Мать несетъ васъ младенцевъ на закланіе  
И умираетъ въ кратковременной печали.



XXVIII.

А и знаю я, братцы,  
Что у васъ въ головахъ.  
А и у меня, братцы,  
Завелась болѣзнь.  
А и съ той поры, братцы,  
Гвоздь въ головѣ.  
А и нѣту силы, братцы,  
Кречетомъ летать.  
Но недолго мнѣ, братцы,  
Съ вами говорить,  
Солнце ждетъ меня, братцы,  
Хочетъ ослѣпить!  
Только странно мнѣ, братцы:  
Человѣки вы!  
И живете вы, братцы,  
Только неживя!  
Солнце ждетъ меня, братцы,  
И я знаю кто!  
Распрощаемся, братцы,  
Только навсегда.



XXIX.

Тѣломъ сцѣпленный  
Съ силой, безсильемъ другихъ,  
Вновь утомленный  
Силой условій мірскихъ,  
Вдаль направляюсь  
Только къ свободѣ своей,  
Неутомляясь  
Блескомъ безгорестныхъ дней.  
Тамъ неустанна  
Сила творившая,  
Здѣсь опочившая,  
Установившая  
Міръ безпрестанный.  
Въ счастіи вѣрю  
Счастью невольному,  
Пиру всестольному;  
Странствію дольному  
Чую потерю.



XXX.

Опорою семьи нельзя быть мнѣ  
И матери надѣяться на сына запрещаю,  
Себя иному жребью обрекаю,  
За что то можетъ пострадаю,  
И многіе не вспомнятъ обо мнѣ.

Въ иныхъ изъ насъ силенъ завѣтъ отца,  
Хоть далеко еще до разъясняющаго все конца,  
Творца молю сегодня съ мыслями простыми,  
Чтобъ удалось, о мать, Вамъ свѣтлое съ другими.

На рубежѣ таинственной страны  
Передъ покоемъ, можетъ, вѣчнаго успенья  
Вы намъ внушаете любви святыя пѣснопѣнья,  
И симъ примѣромъ вѣчно скрѣплены,  
Сердца друзей съ надеждой къ Богу вновь устремлены.



XXXI.

Прощайте вериги, недолгіе спутники грусти,  
Холоднымъ желѣзомъ живившіе члены,  
Какъ жезлъ чародѣя меня подѣ одеждой хранившіе,  
Со мной побѣдившіе столько несчастій!  
Какъ въ морѣ безжизненномъ, какъ въ пристальныхъ  
взорахъ,  
Стихійная общая сила въ ржавѣющихъ кольцахъ и гиряхъ.  
Прощайте свободныя, тайныя рѣчи,  
Великія мысли ночей полусонныхъ,  
Служившія міру иль близкія міру...  
Прощайте бывше друзья и богини!  
Въ мгновенье вериги меня оживили,  
И рѣчи звучали какъ лучшей порывъ пробужденья,  
Несознанно годъ я грѣшилъ,—но вериги  
Духовныя въ сердцѣ звучали глубококомъ.

Мой день настаетъ! обманувшіе годы  
Забыты и странно припомнить все благо былого.  
Кто судить порокъ, опровергнутый вѣчною цѣлью?  
Чужой какъ чужой онъ владѣль этимъ сердцемъ,  
И вызовъ бросаю грѣхамъ своевольнымъ!  
Прощайте друзья и богини былого!  
Безстрастно какъ ядъ я давно приготовилъ измѣну,  
Оставилъ въ передней доспѣха лоскутъя,  
И скрылся подъ полночь за дальнимъ порогомъ  
И тихо бѣгу въ полутемной равнинѣ.  
О горы! нагой возвращаюсь въ великую землю,  
И смертью навѣки предутренній взоръ опьяненъ,  
Безумецъ, встрѣчаю свѣтила ликующимъ кликомъ.  
А небо даруетъ мнѣ сердце пророка.



## ПРИМЪЧАНІЯ.

Сборникъ стиховъ.



## ПРИМЪЧАНІЯ.

Издатели считаютъ не лишнимъ перечислить имъ извѣстныя рукописи А. Добролюбова.

У Я. Э. хранятся:

*Собраніе первое:* тетрадь, которой Добролюбовъ далъ заглавіе:  
Наброски, оконченныя  
вещи,  
отдѣланныя, недорисованныя.

Произведенія, вошедшія въ эту тетрадь, помѣчены рукой Добролюбова, какъ орис 1, 2, 3 и т. д. Всѣхъ ориса 67, но ор. 14 нѣтъ.

*Собраніе второе:* отдѣльные листы, разныхъ форматомъ, помѣченныя не рукой Добролюбова №№ отъ 1 до 38.

Оба эти собранія составляютъ лирическіе стихи и лирическіе отрывки въ прозѣ.

У В. Б. хранятся:

*Собраніе третье:* Рядъ черновыхъ набросковъ, болѣе 170-ти листовъ; частью это первоначальныя обработки того, что вошло въ *собраніе первое*, частью самостоятельныя произведенія. Нѣкоторыя изъ нихъ собраны въ два отдѣла подъ заглавіемъ „Вещи“ и „Неполныя вещи съ пропусками“. Здѣсь же большое письмо „Путешествіе на Ладожское озеро“.

*Собрание четвертое:* умозрительныя статьи — „Эстетическія замѣтки“, „Наука о прекрасномъ“, „Опроверженіе Шопенгауэра и всѣхъ мыслителей“, „Диалогъ стараго и новаго Канта“, „Къ вопросу о наукѣ“. Здѣсь же тетрадь съ выписками и замѣтками, озаглавленная—„Къ діалогу мудрецовъ“.

*Собрание пятое:* сочиненія о древности; по большей части это отрывки и начала, но среди нихъ законченный черновой переводъ Парменида и обширная статья „Греческая древность“.

Въ этихъ бумагахъ есть указанія еще на два собранія:

*Собрание шестое:* у И. В. П—го хранятся рукописи съ разсказами Добролюбова.

*Собрание седьмое:* у В. Г—а и Л. П—ва хранятся рукописи съ народными произведеніями, записанными Добролюбовымъ.

P.S. Большая часть стихотвореній, вошедшихъ въ эту книгу, взята изъ *собранія перваго*; это №№ 3 — 15, 17 — 20, 23 и 27. Изъ *собранія втораго* взяты №№ 25, 26, 28, 29 и 30. Изъ *собранія третьяго* №№ 1 и 24. Отдѣльно доставленъ № 16 г-омъ Я. Э.— № 2 см. отд. примѣч.

## ОТДѢЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

*Къ № II.* Печатается такъ, какъ было записано со словъ А. Добролюбова лѣтомъ 1898 года. По списку Я. Э. (болѣе раннему) есть разночтенія: во второй строфѣ есть еще одинъ стихъ, стоящій вторымъ:—

Я-ль о тебѣ? или ты обо мнѣ?

затѣмъ нѣкоторые отдѣльные стихи читаются такъ:

2. Свѣчи задуть иль зажечь приказалъ?

8—9. Вспомнилъ ли я иль забылъ въ полуснѣ?

13—14. Я-ль въ темномъ полѣ? Я-ль поле темно?

Къ № III. Въ подлинникъ слово „покорно“ поставлено въ скобки.

Къ № VI. Ст. 7 читался первоначально:

Опьяняйтесь чѣмъ знаете, печалью, славою.

Къ № VIII. Въ последнемъ стихѣ въ рукописи слова „розы вечерней“ замѣнены были словомъ „счастья“; позднѣе весь стихъ зачеркнутъ.

Къ № XI. Въ подлинникъ послѣдній стихъ зачеркнутъ.

Къ № XXII. Неразборчивая черновая. Первые два стиха позднѣе зачеркнуты карандашомъ. Въ ст. 6 неясно: *мирская?* *мертвая?*

Къ №№ XXV и XXVI. Черновыя на одномъ листѣ, отиѣтенныя какъ № 1 и 2. Первое стихотвореніе первоначально читалось такъ:

Дешево вамъ сожалѣнье,  
Только скажи, хоть сейчасъ  
Радостныхъ слезъ умиленья  
Брызнетъ источникъ изъ глазъ.  
Но оскорбленье—навѣки!  
Кто непреклонно скучалъ  
Иль нестраданьемъ страдалъ,  
Презрять онъ васъ, человѣки!  
Не оскорбить разумньемъ  
Собственной силу другихъ,  
И неземнымъ сожалѣньемъ  
Вдругъ отзвучить его кликъ.

Къ № XXVII. Неразборчивая черновая; нѣкоторыя слова неясны: ст. 7 *неудержимый? неудержимый?* ст. 14 *въ окна? въ окнд?*

Къ № XXIX. Черновая, писанная безъ знаковъ препинанія, которыя разставлены издателями. Это же относится къ нѣкоторымъ другимъ стихотвореніямъ.

Въ № XXX и № IV, отд. 1 пропущено нѣсколько стиховъ.

По разнымъ причинамъ въ это собраніе не вошли слѣдующія стихотворенія Добролюбова, находящіяся въ перечисленныхъ рукописяхъ:

1. Подражаніе Надсону.
2. Моя лепта. Подражаніе Минскому.
3. Точка зрѣнія. (Если среди самой жестокой зимы.)
4. Ты нѣсколько разъ поступалъ печестно.
5. Достоинство скорби.
6. Пляска мертвеца. (Черепъ.)
7. Жану З.
8. С . ымъ.
9. Л—ну.
10. Не проговоритъ труба серебряная.

И слѣдующіе стихи, входящіе, какъ часть, въ прозаическія произведенія:

11. *Divagation pageante.*
12. Я знаю сердце (изъ отр. „Битва Народовъ“).
13. *Волны, волны, что сравнится со мною* (изъ отр. „Башня Скуки“, въ который входитъ въ измѣненномъ видѣ и № 6-й „Черепъ“).



## СОДЕРЖАНІЕ.

*Стран.*

<i>Ив. Коневской. Къ изслѣдованію личности Александра Добролюбова . . . . .</i>	3
<i>Валерій Брюсовъ. О русскомъ стихосложеніи . . . . .</i>	8
<i>Александръ Добролюбовъ. Собраніе стиховъ . . . . .</i>	15
<i>Примѣчанія . . . . .</i>	65





**ИЗ АЛЬМАНАХА «СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ»  
на 1901, 1902 и 1903 гг.**



[Из альманаха «Северные Цветы» на 1901 г.]

## ОТОДВИГАНЬЕ СМЕРТИ

День прошелъ въ свободномъ славословьи,  
Окна улицѣ въ снѣгахъ я вскрылъ,  
Много было добраго, восторга и здоровья,  
И себя я искренно, хотъ первый мигъ, любилъ.  
Ахъ! о томъ больное безпокойство,  
Все ли сдѣлано руками и умомъ?  
Не забыты ли вершинъ послѣднихъ свойства?  
Кто ровняется осанкой иль лицомъ?  
Такъ къ концу, предъ ужасомъ, недавность вспоминаю,  
Но бессмысленно въ вещахъ указыванье въ ночь иль тѣнь.  
И привычно - грозной пустоты не замѣчаю,  
Въ бездну палъ давно, давно не воскресаю,  
А отвѣтъ пойму не въ этотъ, въ разсужденья день!

А. Добролюбовъ.







[Из альманаха «Северные Цветы» на 1902 г.]

## ОБРАЗЫ.

### I

Все таки, вѣчно, всюду будетъ сіять прямо предъ очами ума неизвѣстная надпись! Вѣчно будетъ ужасно, что кромѣ меня существуютъ другіе, и подобные мнѣ, и многіе изъ нихъ не знаютъ меня! Вѣчно будетъ дивиться душа, что любить вотъ этотъ цвѣтокъ, а не тотъ, хоть не меньше благоуханный!

О, Боже, простой свѣтъ отцовъ моихъ, и къ тебѣ я взываю! Смущеніе было и будетъ первымъ явленіемъ пробужденія къ жизни, явленіемъ жизни... Восхищенные персты колеблютъ стебель блестящій, ясно видятъ все очи и не желаютъ другого, не помнятъ даже себя...

На вопросъ же отвѣчайте вопросомъ! Если вы слѣпы, старайтесь быть болѣе слѣпы! Пусть эта мертвая горница будетъ еще болѣе близка силѣ твоей! Пусть вы запомните каждая очи на каждомъ изъ мѣстъ и случайныя смѣны ихъ всѣхъ!

Если вы, конечно, не любите безпорядокъ природы, глядите же и въ нее! Эти три сосны въ началѣ ручья пусть будутъ вамъ вѣчно знакомы! Этотъ кустъ, почти бѣлый,— пусть похоронитъ его не презрѣнье, не забвенье, не скука, а для воскресенія память!

Когда нибудь, можетъ быть, что нибудь и случится.

Въ этомъ величайшая мудрость — ожиданіе, жрецъ, молящійся Богу, Богъ, претворяющій тѣло въ высочайшую кровь! Когда нибудь вы подойдете къ этому мѣсту послѣ вечерняго пира...

Надъ вами наклонятся листья и будутъ шептать! О, сохраните этотъ шопотъ навѣки! Каждый изъ шопотовъ, какъ бы онъ ни былъ бессмысленъ, любите! Счастье — не сказка. Что нибудь было. Что нибудь будетъ. Что нибудь есть. Объ этомъ поютъ и всѣ пѣсни земныя.

## II

## ЕЩЕ «Я».

Невольно ты можешь быть грустенъ. Ты опустил занавѣски, на что двери и окна? Ты убьешь всякаго нищаго, гостя, незнакомаго. Свѣчи горятъ, ты встревоженъ, какъ звѣрь, и шаги твои легко ступаютъ отъ стѣны до стѣны. Но и стѣны не нужны тебѣ...

Перестань упорствовать. У тебя есть сокровище, оно ближе, чѣмъ что бы то ни было. Если слишкомъ спокойно внутри, теряй же и остатокъ силъ! Твоя комната не уже природы — правильны скалы твоего логовища; прямоугельно бѣлое небо; ты богаче, чѣмъ житель луговъ: у тебя приноровлены къ нуждамъ сидѣнье и ложе; время не забыто и у тебя: на столѣ шумятъ, словно ручей, часы; окна открыты въ бессмысленную безконечность — гляди!

Въ углу же течетъ или стоитъ безшумный, глубокой водопадъ, отражающій все, отражающій очи твои, въ очахъ тоже тебя! Нарциссъ, раздери одежды и кинься въ озеро; оно ждетъ тебя, ты жаждешь увидѣть во мракѣ блестящія плечи свои...

## III

Онъ разрѣзаль зеркало пучкомъ расходящихся струй и голова на мгновенье исчезла туда, гдѣ блестѣли отраженія листьевъ, небесъ и благородныхъ человѣческихъ тѣлъ. Самъ отраженіе и отражающее—онъ былъ пронизанъ стекломъ, тѣло казалось стекляннымъ, струйки звенѣли подъ ногами, сбивались словно кудри, вдали надвигалась гроза. Внимательно поднялъ онъ голову и, какъ звѣрь выжидающій, глядѣлъ въ небеса, надѣялся на милость Бога. Поздри расширились, дыханіе вспыхнуло, огонь затаенный въ очахъ! А зеркало продолжало распадаться на дребезги, но не разрѣзывая дѣвственныхъ плечъ, безкровно, и снова склеивалось, просто смыкалось. Вотъ Нарциссъ, овладѣвшій собою! Вотъ Касторъ и Поллуксъ, братья, соединившіеся въ одно! Недаромъ дрожью усталости заалѣли члены! Ноги весело бьютъ по водамъ... Тихая природа озаряетъ себя и своего создателя — человѣка.

## IV

## ВРЕМЯ.

На моемъ столѣ, въ полѣ доступнаго мнѣ бытія, живетъ бессмысленное чудовище. Какъ только просыпаюсь, я слышу его возню, движеніе бѣлки въ колесѣ. Хоть не оно вмѣщаетъ въ себѣ окружающее, почему то я подражаю предкамъ, знакомымъ и все стараюсь отнести къ нему. Жилнще его поражаетъ правильностью, узостью клѣтки, хотя ухо рѣжетъ неточная въ сущности размѣренность чудовищной жизни, несоотвѣтствіе съ чѣмъ

то... Какой шутникъ впустилъ глупаго жука въ это сплетенье мертвыхъ рычаговъ и случайныхъ отвлеченныхъ опредѣленій? Третій день притворяюсь я небрежнымъ, хочу насыпать соли на хвостъ этой сороки, поймать сплетницу. Если я не заведу завтра часовъ волшебнымъ ключомъ, кто объяснитъ, вылетитъ ли на свободу несчастное сердцѣ, или навѣки обезсилѣетъ мой разумъ, увлекаясь отсутствіемъ глупыхъ, и всякихъ, разстояній?

## V

## РАЙ.

Начинаю съ случайнаго предложенія, потому что иначе не можетъ случаться вѣчное. Мои слова — переводъ. Не умъ объяснить, откуда начинается описаніе круга, гдѣ расцвѣтаетъ такому то цвѣтку: онъ вездѣ можетъ, даже за снѣгами въ свободномъ морѣ...

Многіе найдутъ обыкновеннымъ этотъ рай. Я же хочу передать не слова, — картину, правду. Тѣлесныя нетлѣныя человѣки предавались искусству, умашали тѣло, смѣялись себѣ въ источники. Какъ дорого каждому было лицо другого, очи и все, какая печаль одѣвала, словно древо познанія, тѣнью рай, печаль по запрещенію познанія, даже по несознаваемой невозможности! И здѣсь, среди живущихъ тѣлъ, не мыслящихъ, рождались самыя великія мысли.

## VI

Въ одно изъ самыхъ сухихъ опьяненій своихъ, послѣ бутылки сухого вина ядовитѣйшихъ странъ или только послѣ воображаемой пирушки съ кѣмъ то, я почувство-

валь опять обыкновенное и думаль о другомъ. Тогда, съ нѣкоторой злостью, съ нѣкоторой даже болью, я рѣшилъ прикрыть рѣсницами очи и достигнуть самого внутреннего дворца по запутаннымъ тропинкамъ глубокой страны, по озареннымъ прогалинамъ, по равнодушнымъ чашамъ... Можетъ быть, я шель и слышалъ многое; можетъ, я стоялъ и былъ слѣпъ, какъ окружающія деревья, но я понялъ въ то время, на время, причину безстрастія морей, опредѣленности и множественности вещей, себялюбія дѣйствій. Такъ долго искалъ я, гордый, не отрѣшаясь отъ тѣлосности, гордый, можетъ быть, только ею. Я попрыгалъ бѣлоснѣжными ногами плиты дворца, я поднималъ завѣсы надъ потаенными дверями, но нигдѣ ничего не находилъ. Тогда я сжалъ кулакъ и ударилъ себя въ грудь, и грозилъ, и обѣщаль быть Каиномъ міра. Разсудокъ пришелъ мнѣ на обманную помощь и снималъ завѣсы съ я, но' тоже ничего не видѣлъ, кромѣ довольно равнодушнаго себялюбиваго міра. Тогда немного большее горе овладѣло мною, и я долго плакалъ. Мы оба рѣшили сдѣлаться самоубійцами, и кто касался немного къ тѣмъ же вещамъ и такъ же безстыдно — не оскорбитъ меня подозрѣніемъ... Я раздробилъ черепъ разсудка, но не посмѣлъ казнить груди и продолжалъ существовать съ невыразимой болью около трупа младшаго брата.

## VII

Кто видѣлъ ужасъ? понималъ его? привыкъ къ нему хоть на мигъ? любилъ его?

Слушайте! Вчера я проснулся ночью; можетъ быть, не проснулся. Странныя ощущенія сопровождаютъ мои сны... Я лежалъ въ полунедвижности и уже ясно сознавалъ. Если бы в меня было море слезъ, я сумѣлъ бы не плакать.

Но ужасъ захватилъ меня — неудержимо, сквозь сонъ. Это было для него одно изъ самыхъ удачныхъ мгновений.

Не раскрылось ничего предо мною, ни одна даже вещь не освѣтила себя иль другую. Я оставался такимъ же. Но тѣмъ ужаснѣе казались всѣ неудержимости, сплетенья міровыхъ вещей.

Опредѣленными туманами тянулись они, горѣли игрушечными, словно прекрасными огнями... Я ничего не потерялъ изъ виду, можетъ быть, приблизился къ кому то, но въ душѣ воцарился мракъ.

И, безумецъ, я забылъ о неосмысленности жизни, живо чувствуя только неосмысленность. Я думалъ, что еще мгновенье, и наступитъ смерть. Но шли часы ужаса, и само время говорило то же, что и ужасъ.

Братья! не то больно, что въ душѣ вмѣщаются высокія чувства отчужденія, не больно, что слезъ не достаетъ для настоящей внѣмірной печали и, однако, печали чело-вѣческой.

Больно снова жить и хранить сокровище въ воспоминаніи, ядовитое, злорадное сокровище, но насколько ниже настоящаго, какъ всѣ воспоминанія! больно самоубійцѣ очнуться въ теплыхъ объятіяхъ условій!

### VIII

Не о лѣсахъ мечта моя, равнодушны безстрастье и нѣжность полей и небесъ, но среди окружающей вѣчно памяти мѣстъ и именъ меня увлекаетъ другое... Я вижу ту же прямоугольную комнату, безъ украшеній, благороднаго неразнообразнаго цвѣта; или въ много болѣе обширной, словно общественной горницѣ я слышу искусственные, немного некрасивые звуки...

Въ двухъ словахъ я предскажу всю жизнь! Ты предсказала ее, явившись въ мечтѣ. Я видѣлъ тебя у рояля въ черномъ платьѣ, исполненномъ современной неестествен-

ной простоты. О Боже! я вижу силу, возникшую, бывшую вѣчно въ сердцѣ; вижу и страхъ передъ совѣстью, передъ призраками дорогими, передъ развратомъ.

Много будетъ еще одинокихъ мгновений; въ томъ и величье, что я не забудетъ себя, будетъ всегда сознавать, насколько любить... Но клянусь! и не въ этомъ мое увлеченіе, вся сила тѣхъ слезъ: еще выше будетъ вѣчно мгновенье, мгновенье въ красотѣ ненужной, лишь своей. Ты промелькнулъ въ неожиданной новой мечтѣ.

Ты повторилась въ другихъ очертаніяхъ, въ веселіи силы другой. Вотъ почему я останусь навѣки ребенкомъ и съ улыбкой буду отражаться въ комнатномъ недвижимомъ ручьѣ, насколько глубже природныхъ, даже морей. Какъ я никогда не достигну себя, такъ и жизнь моя будетъ вѣчными чарами, вѣчнымъ сознаньемъ себя и всего.

## IX

Душа изучила все по повтореньямъ, умѣетъ глядѣть, приглядываться къ плотнымъ очертаньямъ себя, міра, но надъ могилой, надъ одной изъ нихъ плачетъ среброкрылый юноша.

Таково твое новое горе! Не гордой скрытностью дѣвухекъ закрыли рѣсницы очи; присмотритесь, неумѣлость, отсутствіе воспитанія въ малѣйшихъ движеніяхъ нашего знаконца. Вдали же, за косыми хребтами, высокій храмъ заходящихъ свѣтилъ!

Мечты предвидятъ прошедшее, но не возстановить внутренность, картину на потолокъ—за слѣпыми бѣлыми стѣнами. Впрочемъ, у тебя есть, пожалуй, сокровище, одно озолотитъ оно и глаза; бесплодные, пронизывающіе все лучи ослѣпляютъ насъ; ничего не видя, мы увидимъ пустыню, свѣтъ незаходимый увидимъ въ жертвенной чашѣ!

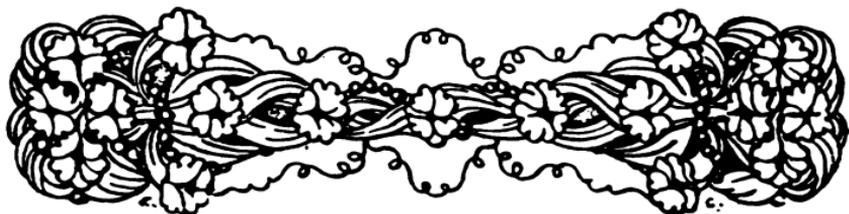
## X

## INVITATION.

Я приглашаю васъ въ царство звуковъ, не отвлеченныхъ, не источныхъ, не немного измѣненныхъ, не необычайныхъ. Я приглашаю васъ въ непреодолимое царство простыхъ звуковъ, въ ясное, то есть, понятное изъ себя сплетеніе всего, что кружится, мелькая, въ раннихъ и вечернихъ сумеркахъ надъ землею. Я приглашаю васъ радоваться на моихъ пирахъ, на моихъ похоронахъ конечно плакать. Милостивые государи и милостивыя государыни! двери моего дворца открыты...

Мнѣ дороги настоящія желтыя кружева съ рисунками, почти «природными», похожими на морозныя изображенія въ окнахъ. Дѣти! повѣрьте: эта пѣсня — рѣка. Я помню и тростники, которые шепчутся надъ нею о грезахъ своихъ. Я иногда скучалъ на ея пескахъ, гдѣ навѣки отпечатлѣлись нѣжныя, но и глубокія волны ея. И я буду, конечно, очень радъ, если вы узнаете пѣсню мою.

А. М. Д.



[Из альманаха «Северные Цветы» на 1903 г.]

## РИСУНКИ ИЗЪ СУМАСШЕДШАГО ДОМА.

### 1 ПЕРВЫЙ РИСУНОКЪ.

Сашка, всегда довольный молодой человекъ, почти еще юноша, сидитъ на скамьѣ: онъ только вернулся съ работы по пилкѣ. Обширная комната наполнена сумасшедшими—то задумчивыми, то громко бесѣдующими съ неизвѣстными спутниками. Сашка понимаетъ очень мало, но никогда не утомляется и радостно глядеть его глазенки, какъ у умной бѣлки. Рядомъ съ нимъ отвратительный плоскій старикъ, разрушенный позорной болѣзью и тѣсно, и умственно. И они обнимаются. Сашка радостно прижимается къ плечу старика и глядитъ на него и не видитъ его безобразія. Вотъ еще болѣе приближаются лица. Старикъ чмокнулъ Сашку въ щеку, Сашка отвѣчаетъ ему любящимъ продолжительнымъ поцѣлуемъ въ полуразрушенныя губы. Старикъ ужъ давно потерялъ память жизни. А Сашка по раннему сумасшествію никогда и не зналъ ничего, но въ обоихъ живетъ нѣжность жизни. Непонятное пожеланье изливается въ ихъ мирныхъ объятяхъ.

И здоровые изъ больныхъ, и служители, и больные—все останавливаются около цѣлующихся, улыбаясь на нихъ, какъ на дѣтей. И дѣйствительно развѣ это не величайшая изъ побѣдъ? Сашка не видитъ безобразія ста-

рика и цѣлуетъ его въ настоящей любви, въ радостной дружбѣ всепокрывающей, всепрощающей.

Больные есть разные, но почти всѣ подвержены приступамъ грусти. Печаль посѣщаетъ и сумасшедшихъ, это заразная пыль, невидимо разлитая во всемъ воздухѣ міра, это еще непобѣжденная самая могучая изъ всемирныхъ болѣзней. Одинъ только Сашка глядитъ всегда радостно. Поэтому около него всегда присосѣживаются—вотъ эти два низенькихъ недоношенныхъ челоуѣчка и Костя, десятникъ по пилкѣ дровъ. Костя ходитъ такъ важно и медленно изъ-за необычайной длины своей: онъ страшно длиненъ по сравненію съ сухостью и тонкостью стана. Но сегодня я удивился: неожиданно пустился онъ въ плясъ подъ нечистые разѣзжающіеся звуки гармоникки. Длинные ноги его повиновались ему. Длинные руки поддерживали края пиджака, онъ наклонилъ свою крошечную голову и разсматривалъ сверху съ трудомъ свои ноги, согласуются ли они съ размѣромъ музыки. Много лѣтъ уже жилъ онъ въ однообразномъ безуміи, молчаливо и сердито работалъ, сердито молчалъ, иногда только радовался и, здороваясь съ каждымъ, весело начиналъ отвѣчать на вопросы. Сегодня осмѣлились ноги его испытать даже пляску.

Вотъ опять окружили всѣ Сашку и спрашиваютъ, зачѣмъ уѣзжалъ онъ недавно къ роднымъ. «Отца своего хоронилъ»—отвѣчаетъ, улыбается Сашка.—«Что жъ ты, Сашка, заплакалъ, когда хоронилъ?»—«Я не умѣю плакать», — отвѣчаетъ онъ. «А радоваться умѣешь?»—«Умѣю».

На работѣ поморозитъ Сашка нерѣдко то ухо, то палець. Служитель больничный подходитъ къ нему: «Что жъ не говоришь, Сашка, что поморозилъ вотъ палець?»—«А я не знаю».

Такъ мирно и кротко и радостно живетъ Сашка — мудрѣ многихъ премудрыхъ!

## II. ВТОРОЙ РИСУНОКЪ.

Угрюмый коренастый финляндець стоялъ около печки въ углу на жестянкѣ. Со всей силы билъ онъ ногой по краю ея, жестянка оглушала я его и всѣхъ. Онъ раскачивался всѣмъ тѣломъ подѣ нечистые крикливые звуки гармоникки, но лицо было наклонено какъ за ломомъ въ работѣ. Въ опьяненія, въ само-забвенія плясалъ онъ на этой жестянкѣ и иногда гоготалъ дикимъ крикомъ, крикомъ полей и звѣрей, но не смѣлъ ступить еще шагу съ жестянки. Все болѣе и болѣе раскачивались четыреугольныя плечи его. Онъ даже смѣялся, улыбка подымалась въ глазахъ его, достигла насупленныхъ толстыхъ полусонныхъ вѣкъ его. Ровно орда пляшущихъ топала въ комнатѣ, такъ стучалъ онъ ногой.

Алексѣй Федорычъ—мой первый другъ. Этотъ ужъ вовсе не какая шишимора городская, настоящій дубовый мужикъ—сѣверянинъ. Начнетъ копать ломомъ мерзлую землю—самъ стонетъ, не остановится.

Съ того конца комнаты навстрѣчу понесся ему тонкій сухой мастеровой съ лицомъ застарѣлаго недоноска, перебирая ногами, какъ мальчикъ, какъ ферть. «Эхъ Олеша» крикнулъ онъ. Но Олеша не двинулся съ мѣста.

Развѣ мало такихъ, которымъ достоинство гордости позволяетъ плясать только на мѣстѣ и въ пляскѣ не даетъ имъ сдвинуться съ мѣста?

Къ тяжелой работѣ всегда находятъ Олешу, посылаютъ на взморье добывать песокъ на дорогу или къ забору направить канаву. Запустить онъ полъ лома въ дыру, — два аршина промерзлой земли. Чась прорываетъ шесть дыръ, отвалится ломоть пудовъ въ сто.

Вдругъ остановится и начнетъ безъ конца о борьбѣ своей съ Богомъ:

«И вотъ выхожу я, хорошіе люди, съ Богомъ бороться.

Какія это права, хорошіе люди? хитрятъ хитрости, хорошіе люди, безсознательныя права, хорошіе люди. Выхожу я на Бога съ большимъ огородническимъ ломомъ, нечего гуть, говорю, хорохориться, выходи Богъ! Ничего Богъ не можетъ противъ меня, хорошіе люди. Потому что я человѣкъ, хорошіе люди. Все это сказки, хорошіе люди, мы этому не вѣримъ, хорошій человѣкъ!»

Иногда матерится, ругается Алексѣй Федорычъ, но всѣ срамныя рѣчи звучатъ у него не какъ скверное, а только какъ крѣпкое слово въ работѣ даже лучшему другу. Алексѣй былъ могильщикомъ на финляндскомъ кладбищѣ, но однажды, говорятъ, онъ отрѣзалъ лопатой чью-то голову и руки въ землѣ; въ тотъ же день сталъ смущать его призракъ и съ этого дня помутилось одно изъ орудій души его—разумъ. Въ этомъ безумцѣ, въ необразованномъ, часто видѣлъ я всѣ знаки истинной гордости, въ немъ видѣлъ я благородную гордость, которую хвалятся люди науки,—достоинство ума человѣческаго!

## 1. ИЗЪ НЕПРАВИЛЬНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

### ПѢСНЯ ИЗЪ ЗЕМЛИ.

За рудниками и за скалами  
Скрыта струя чистой воды.  
Въ нее оступился землекопъ ногою  
И вдругъ застоялся въ тупомъ удивленьи:  
Онъ пѣсню слышитъ прорвавшей воды.

Въ серебряномъ звукѣ встрѣчаются струйки,  
Весенняя пѣсня въ ночномъ рудникѣ!  
Какъ мертвые тянутся стѣны и камни,  
Но дивной гармоніи, размѣра невидимаго  
Исполнена пѣсня изъ сердца земли.

Какъ скалы, проходятъ народы земные,  
Сердца ихъ покрыты слоями песковъ,  
Вѣками пласты осѣдали на груди,  
Мѣстами лишь въ шахтѣ стоитъ землекопъ!

Но дивный родникъ за мертвящей стѣною...  
Суровый рабочій онъ вспомнилъ весну,  
Сіяетъ цвѣтами и воздухъ и небо,  
И мнится цвѣтеть и лепечетъ кирьга.

Чу! рошшутъ, какъ буря, ученые люди,—  
Что мечтанье обманъ, не живетъ ни къ чему,  
Но трудъ землекопа разрушить всѣ стѣны  
И міръ весь откроетъ для пѣсенъ воды.

## 2. ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПРАВЪ ПЛОТИ.

Я вернусь и къ тебѣ, моя плоть,  
Я построилъ мой храмъ бѣзъ тебя,  
Я змѣю тебя называлъ,  
Но я вѣрю пророчествамъ древнихъ:  
Въ храмъ войдетъ поклониться змѣя.  
Она будетъ лишь пылью питаться  
И не будетъ вредить на горѣ,  
Дѣти будутъ играть со змѣятами,  
И младенецъ протянетъ рученку  
Надъ гнѣздомъ ядовитой змѣи.  
Всѣ поганые, низкіе звѣри  
Возсіяютъ въ могущество силъ.  
Не погибнетъ земное строенье,  
И строитель его не умретъ.  
Дождитесь и новаго неба  
И безсмертной и новой земли!

Гдѣ живеть безъ строенья строитель?  
Онъ построить безсмертную плоть.  
Безъ конца возвышаются стѣны,  
И не дрогнетъ нигдѣ и кирпичь.  
Самъ ли вѣришь достигнуть свободы  
И глубокихъ незримыхъ небесъ?  
Это гордость—мечтанье ребенка!  
Но сначала иди среди братьевъ,  
Но трудись съ каждой тварью въ ряду!  
Только если весь міръ озарится,  
Если каждый цвѣтокъ заблеститъ,  
Возсоздастся безсмертное небо  
И духовная чистая плоть.  
Вотъ небесный законъ неизмѣнный:  
Небо будетъ безлюдной пустыней,  
Неба нѣтъ и не будетъ вовѣки,  
Пока міръ весь въ него не войдетъ.

А. Добролюбовъ.

1903 года.



## CONTENTS

<i>Joan Delaney Grossman. Introduction</i> .....	7
<b>Natura naturans. Natura naturata</b> .....	21
<i>Владимир Гиннкус. Посвящение</i> .....	25
Natura naturans .....	29
Natura naturata .....	103
<b>Собрание стихов</b> .....	121
<i>Иван Коневской. К исследованию личности</i>	
Александра Добролюбова .....	123
<i>Валерий Брюсов. О русском стихосложении</i> .....	128
Собрание стихов .....	135
<b>Из альманаха «Северные Цветы»</b>	
на 1901 г. Отодвиганье смерти .....	195
на 1902 г. Образы .....	197
на 1903 г. Рисунки из сумасшедшего дома .....	205



Dobroliubov, Aleksandr Mikhailovich, 1876 – 1944(?)  
Natura naturans. Natura naturata; Sobranie stikhov;  
Iz al'manaxa "Severnye Tsvety" na 1901, 1902 i 1903 gg.

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES  
P.O. Box 4605  
Berkeley, California 94704 U.S.A.

# MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE

## STUDIES AND TEXTS

1. Глеб Струве. К истории русской поэзии конца 1910-х — начала 1920-х годов.  
*Second printing in preparation.*
2. К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом. 1981.  
ISBN 0-933884-15-X
3. Валентина Ходасевич и Ольга Марголина-Ходасевич. Неизданные письма к Н.Н. Берберовой.  
*Second edition in preparation.*
4. Н.В. Резникова. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. 1980.  
ISBN 0-933884-14-1
5. Б.Н. Топоров. Ахматова и Блок. 1981.  
ISBN 0-933884-16-8
6. Борис Поплавский. Флаги. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 1). 1980.  
ISBN 0-933884-12-5
7. Алексей Ремизов. Иверень. *In preparation.*
8. Борис Поплавский. Снежный час. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 2). 1981.  
ISBN 0-933884-13-3
9. Борис Поплавский. В венке из воска; Дирижабль неизвестного направления. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 3). 1981.  
ISBN 0-933884-19-2
10. Александр Добролюбов. *Natura naturans. Natura naturata* (1895); Собрание стихов (1900). 1981.  
ISBN 0-933884-20-6

ISBN 0-933884-20-6